

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В. А. Кучкин

МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О ПЕРЕМИРИИ 1372 ГОДА

В свое время Л. В. Черепнин обратил внимание на то, что в Москве, в архиве Посольского приказа в XVII столетии еще сохранялся целый комплекс договорных грамот московских великих князей Ивана Ивановича и его сына Дмитрия Донского с правителями Литвы¹. Опись архива Посольского приказа, содержащая перечень дел, уцелевших после большого майского пожара 1626 г. Москвы, называет ряд московско-литовских и литовско-московских докончаний. Это договор московского великого князя Ивана Ивановича с литовским великим князем Ольгердом и его братом Кейстутом, договор Ольгерда с Иваном Ивановичем. Несколько грамот Дмитрия Донского: его договор с великим князем литовским Ягайло; грамота великого князя Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича к свату их великому князю литовскому Ольгерду и к его брату великому князю Кейстуту; докончальная грамота митрополита Алексея с послами великого князя литовского Ольгерда, «как они приходили к великому князю Дмитрию»; договорная грамота Дмитрия Донского с вдовой Ольгерда Ульяной о женитьбе великого князя литовского Ягайло на дочери Дмитрия Донского, переходе Ягайло в православную веру и открытом объявлении об этом; докончальная грамота великого князя Дмитрия Ивановича и князя Владимира Андреевича с великим князем Андреем Ольгердовичем; договор Андрея Ольгердовича с князем Владимиром Андреевичем, который заключал это соглашение «за брата своего за князя Дмитрия Ивановича»; договор Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича с великим князем литовским Ягайло и его братьями князьями Скиргайло и Корибутом; грамота этих литовских князей к великому князю Дмитрию Ивановичу, князю Владимиру Андреевичу и их детям «лета 6902 году»; докончальная грамота литовского великого князя Ольгерда и московского великого князя Дмитрия Ивановича «под Любуцком»; грамота великих князей Ольгерда и Кейстута к их свату великому князю Дмитрию Ивановичу и к их зятю Владимиру Андреевичу «о росправном деле»². Всего, таким образом, составители Описи 1627 г.³ архива Посольского приказа зафиксировали 12 различных московско-литовских и литовско-московских договорных грамот. Однако в черновике данной Описи, обнаруженной в 1976 г., после указания на по-

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. М.; Л., 1948. С. 49.

² Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 33, 34—35.

³ Даже в издании Опись архива Посольского приказа, составленная после московского пожара 1626 г., называется Описью 1626 г. Между тем указ о разборе дел в пострадавшем от пожара Посольском приказе был дан 25 декабря 1626 г. (Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 7—8). Поэтому Опись не могла быть готова в 1626 г. Ее надо датировать следующим, 1627, годом.

следнюю московско-литовскую грамоту был отмечен еще один документ — «да тут же dokonчальная грамота, а начало у ней вырвано»⁴. При составлении белого экземпляра Описи это неопределенное и неясное сведение в него включено не было, и фраза о дефектной договорной грамоте каких-то князей XIV в. в черновике оказалось зачеркнутой. Но благодаря ей выясняется, что в 1627 г. в архиве Посольского приказа в Москве продолжали храниться 13 московско-литовских и литовско-московских договорных грамот, составленных между 1354 и 1389 годами.⁵ Правда, все эти грамоты дошли до второй четверти XVII в. не в подлинниках, а в копиях, «в тетратках», как писали архивисты того столетия. В первой тетради были грамоты № 1-2, во второй — № 3-8, в третьей — № 9-10, в четвертой — № 11-13. Тетради вторая, третья и четвертая в 1627 г. были уже ветхи и имели дефекты. Во второй тетради было «не все сполна, иные листы выдраны»⁶, в третьей не было первых листов⁷, в четвертой отсутствовало начало последней грамоты⁸.

В Описи архива Посольского приказа 1673 г. эти тетради уже не значатся, очевидно, они были утрачены или уничтожены. Грамоты первой тетради в Описи 1673 г. были отмечены⁹, но ко времени, когда под руководством Г.-Ф. Миллера сотрудники МАКИД приступили к научной регистрации сохранившихся древнейших русских грамот, исчезла и эта тетрадь. В итоге до настоящего времени дошла только одна московско-литовская договорная грамота¹⁰.

Этот единственный подлинник — перемирная грамота между Дмитрием Московским и Ольгердом Литовским — хранился в московских архивах отдельно от перечисленных выше тетрадей¹¹ и отмечался в архивных описаниях раньше. Древнейшая запись об этом документе содержится в Описи архива Посольского приказа 1614 года: «Запись перемирная великого князя Ольгерда з братом ево со князем с Кестутьем, а делали послы их князь Михайло тверской с товарищи, а у ней две печати, ветха, а в котором году писана, того не написано»¹². Составители Описи архива Посольского приказа 1627 года с содержанием грамоты ознакомились более внимательно: «Dokonчальная грамота великого князя Ольгерда и брата ево князя Кестутья и великого князя Святослава Ивановича с великим князем Дмитрием Ивановичем и з братом ево со князем Володимером Ондреевичем, году в ней не написано, ветха, а у ней две печати на черном воску, одна испорчена, а другая цела»¹³. То, что составители обеих Описей имели в виду одну и ту же грамоту, подтверждается не только идентичным описанием ее особенностей (ветха, имеет две печати, не датирована), но и тем, что она была единственной подлинной грамотой, не списком, Ольгерда Гедиминовича в московском архиве XVII в. Упоминание же в Описи 1614 г. князя Михаила Александровича Тверского в качестве одного из послов литовского великого князя является плодом недоразумения. В грамоте после слов «Тѣ послове оучинили межы нас перемирье...» первым следовало имя Михаила Тверского, и при беглом знакомстве с документом могло показаться, что тверской князь и являлся главой литовской посольской делегации. Но слова «тѣ послове» относились к

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 19. Л. 382.

⁵ 25 марта 1354 г. Иван Иванович был возведен на стол великого княжения Владимирского, а 19 мая 1389 г. умер Дмитрий Донской. См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 63 и 156.

⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 34. Л. 4 об.

⁷ Там же. С. 35. Л. 5 об.

⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 19. Л. 382.

⁹ Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. М., 1990. С. 40.

¹⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. 2. № 5.

¹¹ Беловой экземпляр Описи архива Посольского приказа 1627 г. помещает в один раздел все древнейшие московские грамоты XIV в., будь это подлинники или копии (Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 33—36). Однако черновик данной описи свидетельствует, что до 1627 г. подлинники и копии древнейших московских грамот, в том числе московско-литовских договоров, хранились раздельно: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 19. Лл. 380—382.

¹² Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 61.

¹³ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 34.

лицам, названным не после, а до приведенной фразы. Поверхностное чтение текста привело к ошибке в его интерпретации, но ошибка была устранена составителями Описи 1627 г. Опись архива Посольского приказа 1673 года повторила характеристику состояния грамоты, данную ей в 1627 г.¹⁴

Первое научное описание московско-литовского докончания XIV в. было сделано в 1767 г. Н. Н. Бантыш-Каменским. В составленный им «Реэстръ старинным великихъ князей... грамотам» договор был внесен под № 11 и охарактеризован следующим образом: «Договорная грамота великаго князя литовскаго Олгерда, брата его князя Кестутя и смоленскаго великаго князя Святослава Ивановича с великим князем Дмитрием Ивановичем и братом его Володимером Андреевичем о заключении между собою перемирия от октября до августа месяца; о принятии в оной договор имеющихся с обеих сторон союзников, о возвращении всякому похищенных вещей и о свободном за границы пропуске союзнических послов. Году не показано, а следует по летописцам быть между $\frac{6870}{1362}$ и $\frac{6897}{1389}$ годами. К сей грамоте привешены две восковыя печати, а в начале грамоты и в некоторых местах по краям слов недостает». Позднее, по-видимому, в апреле 1772 г., когда хранение древнейших русских грамот перешло от Н. Н. Бантыш-Каменского к М. Н. Соколовскому, последний после слова «печати» сделал знак вставки, а на боковом поле написал «с изображением на одной герба, а на другой образа с. Николая»¹⁵.

При составлении своего описания Н. Н. Бантыш-Каменский явно пользовался прежними архивными описаниями грамоты. Об этом свидетельствует его фраза «с великим князем Дмитрием Ивановичем и братом его Володимером Андреевичем», восходящая к тексту Описи 1627 г.: «с великим князем Дмитрием Ивановичем и з братом ево со князем Володимером Ондреевичем»¹⁶. Но Н. Н. Бантыш-Каменский не только называл лиц, заключивших договор, он старался кратко передать и само содержание соглашения. Однако здесь молодым тогда археографом были допущены неточности, одна из которых, возможно, была вызвана опiskeй. Перемирие между Москвою и Литвою, о котором идет речь в грамоте, заключалось не с октября по август, как отмечено в «Реэстре», а с августа по октябрь. Месяцы названы те же, но в иной последовательности. Что касается замечания «о возвращении всякому похищенных вещей», то такого положения в договоре нет. О возвращении похищенного говорится в статье 5 докончания, но это требование относилось только к тверскому князю и распространялось на пограбленное им имущество в великом княжении Дмитрия Ивановича. Очевидно, при описании грамоты с ее содержанием знакомилась бегло. Очень приблизительной была и предложенная Н. Н. Бантыш-Каменским датировка грамоты. Она легко могла быть сужена до 1377 г., когда многие русские летописные своды зафиксировали смерть литовского великого князя Ольгерда Гедиминовича. Тем не менее, работа, проделанная Н. Н. Бантыш-Каменским, вводила грамоту в научный оборот, а составленное им описание на протяжении нескольких десятилетий использовалось при публикациях договора. Чтобы яснее судить о характере этих публикаций, необходимо привести более полное описание документа.

Грамота написана на прямоугольном листе бумаги длиной 417 мм и шириной 200 мм. С оборотной стороны грамота подклеена на более позднюю бумагу. Несмотря на подклейку, на просвет видно, что грамота писалась на бумаге с крупными, толщиной от 0,7 мм до 1 мм, вержерами, расстояние между которыми составляет 2 мм. На уровне строк 43—44, кажется, расположен водяной знак. К сожалению, ни филиграни, ни понтюзо ясно разглядеть не удастся. Это можно будет сделать в будущем, когда реставраторы смогут удалить подклеенную бумагу. Однако даже по вержерам можно определить, что бумага грамоты ранняя, она относится к XIV в.

В 12 мм от нижнего края грамоты с правой стороны сделан горизонтальный надрез длиной 102 мм. Получившаяся узкая полоска бумаги была сложена около середины листа и пригнута к левому краю. Вы-

¹⁴ Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 40.

¹⁵ РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 425. Л. 8 об. — 9.

¹⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 34. То же и в Описи 1673 г. (Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 40).

ступающая за пределы этого края часть полоски была срезана. К левой части грамоты, ставшей более прочной, на тонких белых нитях прикреплены две вислые печати. Печати оттиснуты на желтом воске, со временем приобретшем темнокоричневый оттенок¹⁷. Обе печати овальные, перстневые, имеют изображения только на одной стороне. Изображения заключены в ободки, где помещались надписи. Первая печать сохранилась плохо. Ее размер по вертикали составляет 19 мм. На печати виден знак, представляющий собой вертикальную черту с кругом посередине, вверху и внизу заканчивающуюся двумя «галочками», направленными во внешние стороны. Внизу, слева от этого знака, сохранился фрагмент печати с буквами *пе*. Очевидно, это начальные буквы слова *пе[чатъ]*. Наверху в ободке читается еще одна буква, хотя она плохо различима. Возможно, это буква *р*. Вторая печать сохранилась лучше. Ее размер по горизонтали составляет 19 мм, по вертикали — 21 мм. На печати изображена фигура святого не в полный рост, до колен. Голова его окружена нимбом, руки согнуты в локтях и приподняты. В левой руке фигура держит крупный предмет округлой формы. Справа от фигуры видны литеры *ан*, а слева — литеры *о аг*, очевидно, *о аг[иос]*. Слева от изображения святого на ободке видна буква *н*.

Грамота написана черными, по-видимому, сажевыми чернилами, четким полууставом XIV в. Писец, несомненно, был человеком опытным, его почерк не лишен изящества (написание, например, буквы *в*). Грамота содержит 56 строк. Писавший грамоту иногда допускал описки, но тут же исправлял их. Так, в строке 15 в слове *Св(л)тъслав(ү)* букву *л* он переделал из первоначальной буквы *а*. В строке 31 в слове *Оспожына* он сначала пропустил букву *п*, но потом написал ее по букве *о*. В строке 42 писец в слове *тфѣричемъ* первоначально написал маленькую букву *ф*, но затем увеличил петли этой буквы, они получились двойными. В строке 47 в слове *докончаньи* вторая буква *о* написана им по другой букве. В строке 48 в слове *великого* писец вместо первой буквы *о* сначала написал букву *и*, но потом заметил свою оплошность и исправил ее. Любопытный казус произошел при написании строки 10. Писец написал слово *посломъ*, но затем с его пера упала жирная чернильная капля, которая закрыла букву *м*. Тогда писец аккуратно зачеркнул букву *ъ*, а над строкой написал букву *м*, сохранив смысл написанного. Весьма показательной является неисправленная описка писца на стыке строк 16 и 17. Он дважды написал слова *со княз(є)мъ со княз(є)мъ*. Это пример дитографии, ошибки переписывания¹⁸, ясно свидетельствующий о том, что писец работал с черновым текстом московско-литовского соглашения. В строке 46 писец не написал слово *Олгѣрдомъ*, но затем заметил пропуск и вписал это слово над строкой. Таким образом, наблюдения над палеографией грамоты приводят к выводу о том, что в архиве московских князей сохранился беловой экземпляр московско-литовской договорной грамоты, переписанный с другого текста.

Уже в 1775 г. грамота была издана¹⁹. Опубликовавший ее Н. И. Новиков явно пользовался описанием грамоты, составленным в 1767—1772 г. Н. Н. Бантыш-Каменским и М. Н. Соколовским. Об этом свидетельствует заголовок грамоты в «Древней российской вивлиофике»: «Договорная грамота великаго князя литовскаго Олгерда, брата его князя Кестутья и смоленскаго великаго князя Святослава Ивановича с великим князем Дмитрием Ивановичем и братом его Володимером Андреевичем», помещенная после текста грамоты ее датировка: «Года не показано, а по летописям следует быть между 1362 и 1389 годами», а также указание на печати: «К сей грамоте привешены две восковыя печати, с изображением на одной герба, а на другой образа с. Николая»²⁰. Как показано было выше, описание

¹⁷ В Описях архива Посольского приказа 1627 и 1673 годов цвет печатей определен как черный. См.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 34; Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 40.

¹⁸ Ср. Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983. С. 76—77.

¹⁹ Древняя российская вивлиофика. Ч. VIII. СПб., 1775. № X. С. 261—265.

²⁰ Там же. С. 261, 264—265.

изображений на печатях было сделано в апреле 1772 г. М. Н. Соколовским. Н. И. Новиков, следовательно, пользовался уже дополненным описанием грамоты Н. Н. Бантыш-Каменского.

При публикации текста издатель не отмечал его утрат, восстанавливая их без всяких пояснений, не фиксировал ошибок и поправок текста, выносные буквы вставлял в строку без оговорок, без каких-либо оговорок раскрывал и аббревиатуры. Там, где слышалось **и** краткое, буква **и** подлинника заменялась на **й**. По правилам орфографии XVIII в. вместо **и** писалось **і**, а вместо **ѣ** — **е**. Окончание **ого** часто, но не всегда заменялось на **аго**, окончание **ть** — на **тъ**, буква **оу** — на **у**. В словах **Оспожына**, **ымени**, **ызмѣну** буква **ы** была заменена на букву **и**, в слове **Св(л)тъславъ** вместо буквы **ѣ** в середине слова писалась буква **о**, в словах **Аньдрѣл**, **Аньдрѣвич(ю)** (и в других падежах) буква **ѣ** опускалась, а буква **ѣ** заменялась на букву **е**; в слово же **очины** (и в других падежах) после буквы **о** вставлялась буква **т**. Предлоги **в**, **к**, **с** дополнялись буквой **ѣ**. Та же буква ставилась при внесении в строку твердых выносных согласных **д**, **к**, **л**, **м**, **с**, если они были в конце слов. Но выносная **ч** в конце слова, за единственным исключением, вносилась в строку с **ѣ**. Имена собственные писались с большой буквы. Также с большой буквы были напечатаны слова **Князь** (также в других падежах), **Великий** (также в других падежах), **Пословъ** (также в других падежах), **Княженъе** (но не всегда), **Царю**, **Царевѣ**, **Литовскимъ**, **Смоленскимъ**, **Тферскимъ**, **Тферичемъ**, **Крестъ**. Были и прямые опечатки. Вместо **Костянтинович(а)** было напечатано **Константиновича**²¹, вместо **тѣрьскіи** — **Тверскій**, вместо **Дмитрии брянскіи** — **Дмитрей Брянскій**, вместо **зѣ** — **сѣ**, вместо **проньскіи** — **Пронскій**, вместо **хто** — **кто**, вместо **намѣсник(и)** — **намѣстники**²², вместо **сослати** — **сослаты**, вместо **въступати** — **вступати**, вместо **оприснь** — **опричь**, вместо **инъ** — **ино**, вместо **воины с Олѣрдомъ** — **сѣ Олгердомъ войны**, вместо **Олександрович** — **Александровичъ**²³. Но в целом грамота была прочитана и издана неплохо, искажения текста не столь существенны. Существенней была хронологическая неприуроченность грамоты, отсутствие связи с определенным моментом в развитии московско-литовских отношений 60—70-х годов XIV в.

Этот недостаток попытался устранить М. М. Щербатов. В основном тексте своей «Истории Российской от древнейших времен» он отнес договор к 1371 г., когда литовский великий князь Ольгерд прислал своих послов в Москву для подписания вечного мира²⁴. М. М. Щербатов обратил внимание на состав князей с литовской стороны, названных в договоре, но не смог определить, кто такой брянский князь Дмитрий²⁵. Он также отметил присутствие русских князей в составе литовского посольства. Что касается содержания договора, то, по мнению историка XVIII в., из сопоставления летописного свидетельства о желании Ольгерда Литовского после отхода от Москвы в декабре 1370 г. заключить вечный мир с великим князем Дмитрием Ивановичем и условий московско-литовской договорной грамоты «видено, что не могли на все договоры вечного мира согласиться, довольствовались сии послы заключить перемирие от 15 числа августа до 26 октября»²⁶. Данное перемирие нужно было Литве для продолжения войны с лифляндцами²⁷.

Дополнительные сведения о грамоте М. М. Щербатов поместил в третьей части IV тома своего труда, где пересказывалось содержание использованных им при написании этого тома документов. Там историк отметил, что хотя грамота написана от лица Ольгерда, «но в самом деле есть от обеих», т. е.

²¹ Там же. С. 262.

²² Там же. С. 263.

²³ Там же. С. 264.

²⁴ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. IV. Ч. I. СПб., 1781. С. 51.

²⁵ Там же. Примеч.

²⁶ Там же. С. 51.

²⁷ Там же. С. 52.

грамота содержит текст не только в литовской, но и в московской редакциях. Далее он подробно, без пропусков пересказал содержание грамоты, иногда комментируя те или иные статьи. Так, пересказывая статью 5, где были указаны три перемирия Дмитрия с Ольгердом, М. М. Щербатов заметил, что «оня были, но памяти о них ни в летописцах, ни в грамотах, на каком основании были учинены, не сохранены»²⁸. Он также указал, что первая печать, привешенная к грамоте и несущая изображение герба, является литовской, потому что в России тогда гербов не было. Рациональным было и замечание М. М. Щербатова о том, «что грамота сия сохранена в Архиве, показывает, что Ольгерд ее принял»²⁹.

Но несмотря на целый ряд метких и дельных наблюдений над текстом грамоты и ее печатями, забытых историками XIX—XX вв. и открывавших впоследствии то, что было установлено еще в XVIII столетии, главное в труде М. М. Щербатова оказалось лишенным обоснования. Он не приводил ясных доказательств отнесения грамоты к 1371 г., видимо, считая вполне естественным, что упоминание литовских послов в грамоте и летописное свидетельство о литовских послых, приехавших на переговоры в Москву летом 1371 г., имеют в виду одно и то же событие. Неверно толковался им и текст грамоты о перемирии, начало которого он относил к Оспожину дню (15 августа), а не к Оспожину заговению. За очевидными исключениями не был выяснен состав названных в перемирной грамоте лиц. Пересказ докончания, хотя и сопровождался некоторыми замечаниями историка, не преследовал цели анализа договорных условий, а последняя статья перемирной грамоты — «А со Ржевы до исправы не сослати» — вообще осталась без всякого комментария. Тем не менее сказанное М. М. Щербатовым о московско-литовском договоре XIV в. было учтено и использовано его младшими современниками.

Наблюдениями М. М. Щербатова воспользовались сотрудники канцлера Н. П. Румянцева, в 1813 г. вторично издавшие грамоту по подлиннику. Публикация была предварена краткой легендой: «Договорная грамота великого князя Литовского Ольгерда, брата его князя Кестутя и смоленского великого князя Святослава Ивановича с великим князем Дмитрием Иоанновичем и с братом его Володимером Андреевичем: о заключении между собою перемирья от 31 июля по 26 окт.; о принятии в оной договор имеющих с обеих сторон союзников, князей тверского, брянского и смоленского; о возвращении всякому похищенных вещей и о свободном за границы пропуске союзнических послов. Писана 1371 года»³⁰. Легенда была составлена нескладно. Смоленский великий князь причислялся к первой из двух главных договаривавшихся сторон и одновременно к союзникам этой стороны. Союзники же московской стороны вообще не назывались, хотя о их существовании в легенде заявлялось. Фразы «о принятии в оной договор имеющих с обеих сторон союзников» и «о возвращении всякому похищенных вещей и о свободном за границы пропуске союзнических послов» были позаимствованы из описания грамоты, составленного Н. Н. Бантыш-Каменским. В то же время публикаторы проделали и некоторую самостоятельную работу по характеристике грамоты. Они сообщили о содержащемся в докончании сроке перемирия между Москвою и Литвою — с 31 июля по 26 октября, а также назвали точное, по их мнению, время составления документа — 1371 год. В последнем случае они явно исходили из написанного М. М. Щербатовым, хотя указанный им ошибочный срок начала перемирия — 15 августа — исправили на 31 июля.

При издании текста источника сотрудники канцлера Н. П. Румянцева не фиксировали механических утрат текста, восстанавливая его без каких-либо оговорок, не отмечали аббревиатур и выносных букв, раскрывая титлы и вставляя в строку буквы без каких-либо специальных обозначений. Исправления писца не обозначались, допущенное им повторение в строках 16—17 слов **со княз(е)мь со**

²⁸ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. IV. Ч. III. СПб., 1784. С. 8.

²⁹ Там же. С. 9.

³⁰ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I. М., 1813. № 31. С. 52.

кнѣз(е)мъ указано не было. Имена собственные печатались с большой буквы, что было правильным. Но и такие слова, как **Князь, Великий, Пословъ, Великомъ Княженьи, Намѣстники, Волостели, Царю, Божья, Царевѣ, Посломъ Литовѣскимъ... Смоленѣскимъ, Посломъ Тѣмъскимъ, Тѣмъричемъ** также набирались с большой буквы. Имя Дмитрия Ивановича было набрано большими буквами курсивом, а однажды — обычным шрифтом в разрядку. Обычным шрифтом печатались и имена послов, но курсивом. Вместо буквы **и** там, где слышалась краткость, писалась буква **й**. Мягкая согласная **ч**, если она была выносной, вставлялась в строку с окончанием **ь**, твердые выносные согласные **д, к, л, м, с** вставлялись в строку с окончанием **ъ**. Та же буква дополняла предлоги **в, от, с**. Буква **оу** подлинника заменялась буквой **у**. Иногда хромало словоделение: было напечатано **ото Спожына** вместо **от Оспожына**. Не на место было вставлено написанное над строкой 46 слово **Олгѣрдомъ**. Слово **очина** писалось как **отчина**, а слово **намѣстник(и)** — как **намѣстники**. Были и прямые ошибки. Правда, они немногочисленны. Так, вместо **в ымени** было напечатано **въ имени**, вместо **а князю** — **и князю**, вместо **в ызмѣну** — **въ измѣну** (дважды), вместо **иметь** — **иметь**³¹. Но все остальные особенности правописания подлинника были сохранены, и исследователи получили возможность гораздо точнее судить о тексте грамоты, чем это можно было сделать по публикации документа в Древней российской вивлиофике. Вслед за текстом московско-литовской договорной грамоты были воспроизведены две скреплявшие ее печати. Гравер XIX в. с относительной точностью передал изображение герба на лицевой стороне первой печати, одновременно указав на существование букв **ли** поверх гербового знака и букв **ис** у его нижнего левого края, хотя в действительности такие буквы там отсутствовали. Что же касается лицевой стороны второй печати, то гравер дал там изображение святого в рост, хотя на печати имелось изображение человека без ступней³². Эти рисунки впоследствии стали основой изучения печатей грамоты, к подлинным же буллам ученые обращались в редчайших случаях.

Новое слово о московско-литовском договоре было сказано Н. М. Карамзиным. Он приурочил его составление к стоянию под Любутском литовской и московской ратей в 1372 г. Однако обоснований своего решения Н. М. Карамзин не приводил, оставив без рассмотрения и дату 1371 г., предложенную М. М. Щербатовым. Можно только догадываться, что названный Н. М. Карамзиным день начала противостояния москвичей и литовцев у Любутска — 12 июля и определенное в докончании время перемирия — с 1 августа по 26 октября³³, следовавшие одно за другим, и послужили основанием отнести перемирную грамоту к июлю 1372 г. Далее историограф касался текста соглашения, сообщая, что оно было заключено вельможами литовскими от имени великого князя литовского Ольгерда, его брата Кейстута и смоленского великого князя Святослава и боярами московскими от лица великого князя Дмитрия Ивановича и князя Владимира Андреевича. При этом в договор были вписаны князья тверской и Брянский с литовской стороны, князья рязанские, названные великими, с московской стороны. Главными условиями договора, по мнению Н. М. Карамзина, были следующие: «Нет войны между нами. Путь нашим послам и купцам везде свободен. Князь Михаил должен возвратить все похищенное им в областях великого княжения во время трех бывших перемирий и вывести оттуда своих наместников; а буде они не выедут, то Дмитрий может их взять под стражу и сам управиться с Михаилом в случае новых его насилий; Ольгерду же в таком случае не вступаться за шурина. Когда люди московские, посланные в Орду жаловаться на князя тверского, успеют в своем деле, то Дмитрий поступит как угодно богу и царю, чего Ольгерд не должен ставить ему в вину. Михаилу нет дела до великого княжения, а Дмитрию до Твери; они ведаются только чрез послов. Князь литовский обязан возвратить Дмитрию сию договорную грамоту, буде вздумает по истечении срока возобновить неприятельские действия»³⁴. В принци-

³¹ Там же. С. 52—53.

³² Там же. С. 53.

³³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 22, 23.

³⁴ Там же. С. 23.

пе Н. М. Карамзин основное содержание перемирной грамоты передал, хотя и не обратил внимания на некоторые тонкости докончания, например, на постоянное определение великого княжения как отчины Дмитрия Московского, на то, что не Михаилу нет дела до великого княжения, а Дмитрию — до Тверского, а вообще всем тверичам запрещалось иметь какие-либо дела в великом княжестве, а москвичам — в Тверском; что в число «наших», по выражению историографа, послов и купцов входили не только московские и литовские, но и смоленские. Явно неправильной была интерпретация Н. М. Карамзиным статьи 11 договора **А си грамота аже буд(е)ть князю великому Олгѣрду не любя, инъ отошлетъ**. Он полагал, что статья говорит о возврате перемирной грамоты литовским великим князем в случае возобновления им военных действий, тогда как в ней предусматривалось возвращение грамоты в случае несогласия Ольгерда с ее содержанием.

В примечании к приведенному месту своей работы Н. М. Карамзин попытался дать справки о лицах, упоминаемых в докончании. Он указал на смерть в год составления соглашения князя Владимира Пронского, правда, подчеркнув, что такое сообщение есть только в Никоновской летописи, видимо, не очень доверяя этому источнику³⁵. Впоследствии, однако, выяснилось, что это сообщение Никоновской летописи достоверно. Оно встречается в таком раннем летописном памятнике, как Рогожский летописец³⁶. Таким образом, указание Н. М. Карамзина определяет верхнюю хронологическую грань, позже которой не мог быть заключен московско-литовский договор о перемирии. Правильно были отождествлены Н. М. Карамзиным князь Дмитрий брянский — это сын Ольгерда Дмитрий, и первый из московских послов Дмитрий Михайлович — Д. М. Боброк-Волынский. Но названного в договоре великого князя Романа Н. М. Карамзин ошибочно принимал за одного из рязанских князей. О других десяти лицах, фигурирующих в договоре, Н. М. Карамзин не сказал ничего. Зато он поставил вопрос о смысле последней статьи соглашения. «В конце, — писал Н. М. Карамзин, — сказано: «со Ржевы до исправы не сослати»: кого же? Литву или Россиян?»³⁷. Для историков этот вопрос оказался камнем преткновения до самого последнего времени.

Несколько заслуживающих внимания соображений относительно договора Дмитрия Московского с Ольгердом Литовским высказал Н. В. Ростиславич-Савельев. Прежде всего он уточнил начало перемирия между литовской и московской сторонами, определенное в докончальной грамоте как «от Оспожына заговѣнья». Это не 31 июля, как указали издатели «Собрания государственных грамот и договоров», а 1 августа. Именно 1 августа, но не 31 июля начинается пост, который, по словам Н. В. Ростиславича-Савельева, назывался в народе спожиным заговеньем³⁸. Другой проблемой, интересовавшей этого автора, был вопрос о времени составления самой грамоты. Н. В. Ростиславич-Савельев критиковал сотрудников канцлера Н. П. Румянцева за то, что, отнеся в своем издании 1813 г. московско-литовскую перемирную грамоту к 1371 г., они не представили «ни одного доказательства в подкрепление своего мнения»³⁹. Правда, этот упрек должен был быть переадресован М. М. Щербатову, первому историку, который датировал договор 1371 годом, но Н. В. Ростиславич-Савельев, видимо, с трудом М. М. Щербатова знаком не был, однако по сути дела его замечание было вполне резонным. Сам биограф Дмитрия Донского рассуждал следующим образом. Поскольку грамота устанавливает перемирие между Дмитрием и Ольгердом с 1 августа по 26 октября, то она не могла относиться к зафиксированно-

³⁵ Там же. С. 233. Примеч. 29. Данное указание принято во внимание М. Д. Приселковым, не включившем в свою реконструкцию Троицкой летописи, которой широко пользовался Н. М. Карамзин, известия о смерти Владимира Пронского (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 395).

³⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 104.

³⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. С. 233, примеч. 29.

³⁸ Ростиславич-Савельев Н. В. Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы. М., 1837. С. 124 и примеч.

³⁹ Там же. С. 125.

му летописями перемирию между московским и литовским князьями после второго нападения Ольгерда на Москву в декабре 1370 г., потому что последнее перемирие заключалось «до Петрова дни, т. е. до июля следующего года»⁴⁰. «В 1371 г., — продолжал далее Н. В. Ростиславич-Савельев, — с Литвою был мир, и Елена Олгердовна выдана замуж за Владимира Андреевича. Если же не было враждебных отношений, то к чему перемирие, совершенно излишнее, и притом на такой короткий срок, на три месяца? Очевидно, и к 1371 году не лзя относить перемирного договора между Олгердом и Димитрием...»⁴¹. В 1372 же году литовские князья нападали на владения Дмитрия, а потом и сам великий князь Ольгерд со своими союзниками двинулся в поход против Москвы. Однако, «видя московского князя готовым к отпору», литовцы пошли на заключение с ним краткосрочного перемирия. «Перемирный договор..., — подводил итог Н. В. Ростиславич-Савельев, — должен относиться не к 1370-му и не к 1371-му, но к 1372-му году»⁴². В доводах Н. В. Ростиславича-Савельева, несомненно, присутствует здоровое зерно, но они должны были бы быть более отточены и развернуты. Так, несомненно правильно, что дошедшая договорная грамота не может быть отождествлена с перемирием декабря 1370 г. Но не могла ли она быть заключена раньше? Перемирие на три месяца в 1371 г., действительно, несколько удивляет, но в Петров день 1371 г. истек срок предшествовавшего перемирия. Следовало ли его продлевать и если да, то на сколь долгий срок? Ответов на поставленные вопросы в работе Н. В. Ростиславича-Савельева нет, но его полемика относительно хронологии грамоты с издателями «Собрания государственных грамот и договоров» заострила проблему датировки документа и потребовала приведения доказательств при отнесении грамоты к тому или иному году. Однако новые доказательства появились в науке очень нескоро.

Явно под влиянием «Истории государства Российского» дана характеристика московско-литовской грамоте о перемирии С. М. Соловьевым. Как и Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев отнес заключение соглашения к стоянию Ольгерда и Дмитрия в 1372 г. под Любутском, местоположение которого он, повторяя своего предшественника, определял по селу Любудскому в Калужском уезде⁴³, как и Н. М. Карамзин, говорил о трех князьях рязанских, названных в грамоте великими. С. М. Соловьев только подробнее охарактеризовал состав сторон, заключивших перемирие, обратив, в отличие от Н. М. Карамзина, внимание на не названных по именам князей, «которые будут в имени Ольгерда и Святослава смоленского»⁴⁴. Содержание соглашения историк свел к определению московско-тверских отношений: «Ольгерд поручился, что Михаил тверской возвратит все пограбленное им в волостях московских и сведет оттуда своих наместников и волостелей. Если Михаил в перемирный срок станет грабить волости Дмитрия, то последний волен разделяваться с ним и литовские князья за него не вступятся»⁴⁵. Кроме того, имея в виду статью 10 докончания о московском посольстве в Орду, С. М. Соловьев написал, что «Димитрий предоставил себе право покончить с Михаилом посредством хана»⁴⁶. Но, даже концентрируя внимание на отражении в московско-литовской перемирной грамоте отношений Москвы с Тверью, исследователь не остановился на подчеркнутой характеристике в договоре великого княжения как вотчины московского великого князя, на запрещении тверичам, кроме послов, ездить по владениям Дмитрия Ивановича, на обязательстве тверского князя вернуть все пограбленное в великом княжении не только перед любутским противостоянием, но и за ряд прошедших лет. Отразившиеся же

⁴⁰ Там же. С. 124.

⁴¹ Там же. С. 125.

⁴² Там же.

⁴³ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. М., 1988. С. 338, примеч. 482.

⁴⁴ Там же. С. 265.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

в договоре московско-литовские, московско-смоленские, московско-рязанские отношения вообще не получили на страницах «Истории России с древнейших времен» какого-либо освещения.

Определенный вклад в изучение московско-литовского докончания XIV в. внес Д. И. Иловайский. Он указал, что упоминаемый в грамоте союзник Дмитрия Ивановича Московского великий князь Роман не может считаться, как писали Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев, рязанским князем. В Рязанском княжестве последней трети XIV в. не было удела, владение которым давало бы возможность его князю титуловаться великим. К тому же среди рязанских князей, современных великому рязанскому князю Олегу Ивановичу, не было ни одного, кто носил бы имя Роман. Этого нерязанского князя Романа московско-литовской договорной грамоты Д. И. Иловайский предложил отождествить с новосильским князем Романом, упоминаемым в московско-рязанском договоре от 25 ноября 1402 г. Такая идентификация имела определенные основания. Договор 1402 г. свидетельствует о том, что Роман Новосильский был не только современником Дмитрия Донского, но и его военным союзником⁴⁷. Однако этот договор титулует Романа Новосильского не великим князем, а просто князем.

Что касается других свидетельств рассматриваемого докончания, то о них Д. И. Иловайский по сути дела не сказал ничего. Он отметил только союзные отношения Олега Рязанского и Владимира Пронского с московским великим князем. Саму же грамоту историк Рязанского княжества следом за Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым отнес к 1372 г., не приводя аргументов ни за, ни против⁴⁸.

Московско-литовскую перемирную грамоту включил в свой перечень древнейших русских памятников И. И. Срезневский. Он датировал договор традиционным для своего времени 1372 г., приурочив его к третьему походу Ольгерда Литовского против великого князя Дмитрия. О содержании докончания И. И. Срезневский ничего не писал, но он подчеркнул то, что Н. М. Карамзин поместил лишь в примечаниях: смерть в 1372 г. упомянутого в грамоте Владимира Пронского. Тем самым для читателей делалось ясным, что грамота не могла быть составлена позже 1372 г.⁴⁹

Не прошел мимо рассматриваемой грамоты историк Тверского княжества В. С. Борзаковский. Он отнес ее к тому же 1372 г., что и его современники. Из статей договора В. С. Борзаковский отметил только те, что касались Михаила Александровича Тверского, да и то неполно. Он указал на статьи 5, 6 и 7 докончания, оставив почему-то без внимания относящиеся непосредственно к Твери статьи 8 и 10. Давая оценку московско-литовского соглашения с точки зрения тверских интересов, В. С. Борзаковский обращал внимание на то, что, включив в текст договора имя Михаила Александровича, литовский великий князь Ольгерд за тверского князя договаривался с Москвой и определял условия будущего мира Михаила с Дмитрием. Общий вывод историка был более грустным, чем объективным: «тверской князь, ведший борьбу с Москвой и добывавшийся в княжения Владимирского, сам попал в зависимость от Литвы настолько, что Ольгерд ему же вперед обозначил главные условия мирного договора»⁵⁰. Были ли эти условия выдвинуты именно литовской стороной, а не московской, приняты ли Ольгердом, имелись ли в грамоте договоренности, вполне удовлетворявшие тверского князя, В. С. Борзаковский не выяснял.

Сложными, если не сказать запутанными, оказались воззрения на московско-литовскую грамоту о перемирии А. В. Экземплярского. В первом томе своего труда при изложении биографии Дмитрия Донского историк сначала отнес составление московско-литовского договора «через несколько времени» после второго похода Ольгерда на Москву. Поскольку отход литовского великого князя

⁴⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 19. С. 54.

⁴⁸ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 165 и примеч. 160.

⁴⁹ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). Общее повременное обозрение. СПб., 1863. С. 106.

⁵⁰ Борзаковский В. С. История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 156, 358—359, примеч. 699 и 700.

от Москвы А. В. Экземплярский датировал 14 декабря 1370 г.⁵¹, «несколько времени» спустя должно относиться к 1371 г., что доказано исследователем не было. Ясно только, что он соотносил эту грамоту с летописным известием о перемирии между Ольгердом и Дмитрием до Петрова дня, о котором говорят летописи, рассказывая о втором малоудачном походе литовского великого князя на Москву. Грамота, на взгляд А. В. Экземплярского, стала письменным оформлением устной договоренности литовцев и москвичей о перемирии.

Однако буквально через три страницы своего труда А. В. Экземплярский приурочил составление рассматриваемого договора уже к 1372 г., ко времени противостояния литовской и московской ратей под Любутском⁵². А в примечании 257 к данному месту исследования он указал, что хотя столкновение под Любутском и датируется летописями 1372 г., если «взять в расчет месяцы, упоминаемые под 6879, 6880 и 6881 годами, то выйдет не 1372, а 1373 г.»⁵³. Такие колебания объяснить трудно. Очевидно только, что расчет по месяцам, если бы он действительно был произведен А. В. Экземплярским, дал бы в итоге не 1371 и не 1373, а 1372 г. Именно последняя дата была названа исследователем во втором томе своего труда при изложении биографии современника Дмитрия Московского, его друга и недруга рязанского князя Олега Ивановича⁵⁴.

Содержания договора А. В. Экземплярский коснулся в первом томе «Великих и удельных князей Северной Руси». По его мнению, самой существенной частью московско-литовского перемирия стало определение положения тверского князя Михаила Александровича. Московская сторона требовала возвращения Михаилом награбленного «в нашей очинѣ в великомъ княженъи», устранения его наместников и волостелей, наказания за пакости и грабежи во время московско-литовского перемирия и отказа литовской стороны от поддержки тверского князя в перечисленных случаях⁵⁵. Исследователь обратил также внимание на состав договаривавшихся сторон, на посольство москвичей в Орду с жалобами на Михаила Тверского, на договоренность о свободном проезде послов князей, принявших участие в заключении перемирия⁵⁶. В основном тексте своей работы названных в договорной грамоте великих князей Олега, Романа и Владимира А. В. Экземплярский, вслед за Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым, отнес к рязанским князьям⁵⁷. Однако в примечании он отметил справедливость мнения Д. И. Иловайского, указавшего, что в великом князе Романа следует видеть князя не рязанского, а новосильского⁵⁸.

На следующий год после издания труда А. В. Экземплярского увидело свет новое исследование о русских средневековых князьях. С работой, посвященной на сей раз князьям черниговским, выступил Р. В. Зотов. Как и многие его предшественники, Р. В. Зотов обратился к единственному уцелевшему от XIV в. тексту московско-литовского соглашения, поскольку там упоминались владевший Брянском, главным городом Черниговского княжества в послетатарское время, князь Дмитрий, а также великий князь Роман, согласно изысканиям Д. И. Иловайского, князь новосильский. Новосильские же князья были ветвью князей черниговских. Перемирную грамоту Р. В. Зотов, словно повторяя А. В. Экземплярского, сначала датировал несколько неопределенно: «1371 или 1372 г.», «1371, или вернее 1372 г.», но затем называл только одну дату — 1372 год⁵⁹. Дмитрия Брянского договора 1372 г. Р. В. Зотов правильно

⁵¹ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. I. СПб., 1889. С. 100.

⁵² Там же. С. 104.

⁵³ Там же. С. 105, примеч. 257.

⁵⁴ Там же. Т. II. СПб., 1891. С. 585, примеч. 1881.

⁵⁵ Там же. Т. I. С. 101.

⁵⁶ Там же. С. 101, 104—105.

⁵⁷ Там же. С. 104.

⁵⁸ Там же. С. 105, примеч. 257.

⁵⁹ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1893. С. 97, 98. Ср.: С. 99, 144 и примеч. 1; С. 145.

принимал за второго сына литовского великого князя Ольгерда Гедиминовича⁶⁰. Что же касается упомянутого в соглашении великого князя Романа, то идентификацию этого князя с новосильским князем Романом Семеновичем, предложенную Д. И. Иловайским, Р. В. Зотов посчитал ошибочной. Основанием послужило то, что этот новосильский князь в других источниках великим не титуловался. Поэтому Р. В. Зотов предложил видеть в великом князе Романе современника Романа Семеновича Новосильского упоминаемого в Любецком синодике великого князя черниговского Романа Михайловича⁶¹. Кроме Любецкого синодика, Роман Михайлович был назван великим князем черниговским и в Тверской летописи⁶². В то же время этот князь носил и титул князя брянского. Именно таково его определение при перечислении участников похода на Тверь в 1375 г.⁶³ Участие же в походе 1375 г. Романа Михайловича на стороне Москвы делало понятным, по логике Р. В. Зотова, включение этого князя в число великих князей, бывших «в имени» великого князя Дмитрия Ивановича перемирной московско-литовской грамоты, хотя автор работы о черниговских князьях не разъяснял, зачем и почему нужно было такое включение.

Разыскания Р. В. Зотова нашли поддержку со стороны М. С. Грушевского. Последний нашел, что отождествление великого князя Романа московско-литовского докончания с князем брянским и черниговским Романом Михайловичем правильно, хотя для этого Р. В. Зотовым и был использован не очень весомый аргумент — идентификация по титулу⁶⁴. В то же время М. С. Грушевский поставил весьма существенный вопрос: чем же владел великий князь Роман Михайлович в момент составления соглашения о перемирии между Дмитрием Московским и Ольгердом Литовским? Брянском Роман Михайлович владеть не мог, там по московско-литовскому договору князем был Дмитрий Ольгердович. Перед этим соглашением или вскоре после него князь Роман должен был, по мнению историка, утратить и Чернигов, где сел другой Дмитрий Ольгердович — Корибут. Позднее Роман Михайлович — безземельный или очень малоземельный князь, поскольку являлся наместником литовского великого князя Витовта в Смоленске⁶⁵. Возникла проблема: какие именно владения Романа Михайловича собирался защищать московский великий князь, причисляя его к своим союзникам в договоре с Ольгердом? К сожалению, М. С. Грушевский не предложил способов решения такого вопроса, ограничившись лишь указанием на его существование. Что же касается перемирной московско-литовской грамоты в целом, то М. С. Грушевский остального ее содержания не анализировал, датировку же давал приблизительную — «коло 1371 р.», 1371/72 г.⁶⁶

Непоследовательность Р. В. Зотова и М. С. Грушевского в датировке договора ускользнула от внимания А. Е. Преснякова, но противоречивость суждений в этом отношении А. В. Экземплярского была им отмечена. Сам автор «Образования Великоорусского государства» вслед за издателями «Собрания государственных грамот и договоров» отнес составление московско-литовской перемирной грамоты к 1371 г. Но, в отличие от своих предшественников, А. Е. Пресняков привел доводы, долженствовавшие доказать, что грамота написана именно в 1371 г., а не в 1372 г., как считали до него Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев. Работы Н. В. Ростиславича-Савельева А. Е. Пресняков не знал. По мнению автора монографии об образовании Великоорусского государства, заключение договора послами литовского великого князя Ольгерда, что зафиксировано в самом тексте грамоты, ведет к лету 1371 г., когда в Москву, как отмечали летописи, приехали литовские послы. Переговоры с ними не

⁶⁰ Там же. С. 143—144.

⁶¹ Там же. С. 97.

⁶² Там же. С. 99 и примеч. 1. Ср.: ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 471.

⁶³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 111.

⁶⁴ Грушевський М. Історія України — Руси Т. IV. Київ; Львів, 1907. С. 451.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

мог вести великий князь Дмитрий, который накануне отправился в Орду. Их «вели, очевидно, митр. Алексей и бояре». Свидетельством участия в переговорах митрополита Алексея является митрополичья печать, привешенная к грамоте. Впрочем, почему печать должна считаться митрополичьей, А. Е. Пресняков не пояснял. «Дата договора, — писал далее исследователь, — июль 1371 года, ранее разрыва в. к. Дмитрия с Олегом». Результатом разрыва великого князя Дмитрия Ивановича с Олегом Рязанским стал поход московских войск на Рязань и битва у Скорнищева в декабре 1371 г. Между тем в рассматриваемой московско-литовской перемирной грамоте «кнѣзь великии Олегъ» назван в числе союзников Москвы. Так определялся год составления грамоты⁶⁷.

Что касается месяца — июля, то А. Е. Пресняков обращал внимание на два момента. Во-первых, литовские послы приехали в Москву в 1371 г. после отъезда к Мамаю Дмитрия Ивановича, т. е. после 15 июня. Они должны были приехать около «Петрова дня», до которого было заключено перемирие между Литвою и Москвой в декабре 1370 г. «Петров день» — это 29 июня, для 1370 г. уже следующего, 1371 г. К истечению установленного в 1370 г. срока литовские послы и прибыли в Москву. Вторым аргументом служило то обстоятельство, что согласно сохранившейся перемирной грамоте стороны объявляли перемирие «от Оспожына заговѣныи до Дмитриева дни», т. е., как писал А. Е. Пресняков, от 31 июля по 26 октября. 31 июля по времени достаточно близко к 29 июня, поэтому условие московско-литовского соглашения легко объяснить переговорами, ведшимися литовской делегацией в Москве во второй половине июня — вероятно, начале июля 1371 г. Отсюда и следовало указание А. Е. Преснякова именно на июль 1371 г. как на уточняющее время составления рассматриваемой грамоты⁶⁸.

Но почему грамота не может быть датирована июлем 1372 г., когда под Любутском встретились литовская и московская рати? А. Е. Пресняков постарался ответить и на этот вопрос. Мир под Любутском действительно был заключен, но его «заключал сам Ольгерд, а прелиминарный договор его послов, о котором идет речь, был, надо полагать, «отослан» им, так как оказался в московском архиве в подлиннике...». О возможном «отослании» перемирной грамоты говорилось в ее тексте: «**А си грамота аже буд(е)тъ князю великому Олгѣрду не любя, инъ отошлетъ**»⁶⁹.

Интересно отметить, что к московско-литовскому докончанию А. Е. Пресняков обратился не в главе VIII «Великокняжеская политика преемников Калиты», где достаточно подробно были проанализированы московско-литовские и московско-тверские отношения при Дмитрие Донском, но приводилась лишь краткая ссылка на изучаемое московско-литовское соглашение⁷⁰, а в главе VI «Рязанское великое княжество», где давалась характеристика отношений Рязани с Москвой. Пытаясь вскрыть причины не объясненного источниками резкого конфликта между Дмитрием Московским и Олегом Рязанским в 1371 г., А. Е. Пресняков и обратился к московско-литовскому договору. По его мнению, текст соглашения «показывает, что предстояло особое «докончанье» с князьями рязанским и пронским, причем дает намек на то, что вопрос, быть ли им «в имени» в. к. Дмитрия, оставался еще открытым. В возражениях Олега против его зачисления в число «иных князей» в имени великого князя Дмитрия с отказом от самостоятельных внешних сношений всего естественнее видеть мотив последовавшего разрыва между Москвой и Рязанью»⁷¹. Все эти соображения исследователя представляются надуманными. Никаких показаний относительно предстоявших особых докончаний московского великого князя с рязанским и пронским князьями московско-литовская перемирная грамота не содержит. Нет в ней и намеков на то, что великие князья Олег, Роман и Владимир «выходят из имени» Дмитрия Московского, т. е. прерывают союз с ним. Три князя фигурируют в той ста-

⁶⁷ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 236, примеч. 1.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 302, примеч. 2.

⁷¹ Там же. С. 236—237.

тье договора, которая требует от литовского великого князя Ольгерда и его союзников «тѣхъ князии не воевати, очины ихъ, ни ихъ люд(и)и». Отказ от союза с Москвой оставлял бы этих князей перед угрозой военных нападений Литовского государства, Смоленского княжества и других правителей, бывших «в имени» Ольгерда. Данное требование договора вовсе не лишает «тѣхъ князии» прав на самостоятельную внешнеполитическую деятельность, как утверждал А. Е. Пресняков⁷². Речь в докончании идет только о коллективной безопасности. Поэтому не следует думать, что причина военного столкновения между Москвой и Рязанью в декабре 1371 г. заключалась в протесте Олега Рязанского против написания его «в имени» московского князя в изучаемом соглашении. Вообще говоря, «уничужение» статуса союзника реально имело место при оформлении договорных грамот московских князей с литовскими, например, в XV в., но это приводило к дипломатическим протестам, прекращению союзных отношений, но отнюдь не к боевым действиям⁷³. Если Олег Рязанский был так возмущен статьями московско-литовского соглашения, как это рисует А. Е. Пресняков, то почему же он не попытался войти в союз против Москвы с князем Романом и князем Владимиром Пронским, которые тоже были «в имени» московского князя⁷⁴? Почему, наконец, борясь с Москвой, рязанский правитель не обратился за помощью к Литве? На эти вполне естественные вопросы в исследовании А. Е. Преснякова ответа найти не удается.

Серьезно подорвал один из доводов А. Е. Преснякова в пользу отнесения рассматриваемой грамоты к 1371 г. Н. П. Лихачев. В своем труде о русских средневековых печатях этот крупный знаток сфрагистического материала остановился и на характеристике булл московско-литовской перемирной грамоты XIV в. Оспаривая мнение польских ученых, считавших первую печать, привешенную к этому документу, печатью литовского великого князя Ольгерда, Н. П. Лихачев писал, что при таком предположении возникает странная ситуация: литовский великий князь скрепляет договор с Москвой своей печатью, но в то же время в текст грамоты вводится статья «А си грамота аже буд(е)тъ князю великому Олгѣрду не люба, инъ отошлетъ»⁷⁵. Получается, что литовский великий князь одновременно и принимает, и отвергает условия перемирия. На самом деле, отмечал Н. П. Лихачев, «перемирный договор заключен делегациями обеих сторон и неизвестно где писан. Возникает сомнение, мне думается, что привешены печати не великокняжеские, а от делегаций, печати старейших и почетнейших уполномоченных»⁷⁶. Таким образом, известный сфрагист видел в буллах договора печати тех послов с литовской и москов-

⁷² В этом отношении показательное положение тверского князя Михаила Александровича, зафиксированное рассматриваемым договором. Михаил — среди тех князей, кто «оу княз(я) оу великого оу Олгѣрда в ымени его», т. е. его статус аналогичен статусу Олега Рязанского. Но далее в договоре содержится условие, что в случае нападений Михаила на великое княжество Дмитрия Московского «намъ ся с нимъ вѣдати самимъ». Это «вѣдати» включало в себя право Москвы и ее союзников не только на ведение сепаратной войны с тверским князем, но и на дипломатические переговоры и соглашения с ним без вмешательства литовской стороны. Совершенно очевидно, что даже по норме, отраженной в московско-литовской перемирной грамоте, пребывание «в имени» одного из князей вовсе не означало утрату «пребывавшим» прав на самостоятельную внешнеполитическую деятельность.⁷³ Такой случай, в частности, произошел в 1406 г., когда московский великий князь Василий Дмитриевич написал в перемирной грамоте с великим князем литовским Витовтом имя своего союзника тверского великого князя Ивана Михайловича после имен своих братьев. Те по дипломатическому средневековому этикету должны были быть «братьями младшими» московского великого князя, а Иван Тверской — равноправным «братом». Тверичи возмутились, но воевать из-за этого не стали. См.: ПСРЛ. Т. XV. Стб. 475—476.

⁷⁴ Впрочем, А. Е. Пресняков так и не определил, кем был великий князь Роман. Прочитав текст московско-литовского договора о перемирии с упоминанием великого князя Романа (С. 236), исследователь, знакомый с работами Д. И. Иловайского, Р. В. Зотова и М. С. Грушевского, так и не смог остановиться на одном из предлагавшихся этими авторами отождествлений князя Романа, внеся его имя в «Указатель лиц» своей монографии об образовании Великорусского государства со знаком вопроса (С. 473).

⁷⁵ Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. // Труды Музея палеографии Т. 2. Л., 1930. С. 241.

⁷⁶ Там же.

ской сторон, которые заключили перемирие, а отнюдь не печать литовского великого князя и не печать митрополита всея Руси Алексия. А именно о митрополичьей печати, скреплявшей перемирную грамоту, писал А. Е. Пресняков, датируя документ 1371 годом. Впрочем, сам Н. П. Лихачев, уделяя главное внимание печатям, договор между Дмитрием Московским и Ольгердом Литовским относил по-пресняковски к 1371 г.⁷⁷

Мнение А. Е. Преснякова оказалось авторитетным и для польского историка С. Кучиньского, опубликовавшего в 1936 г. интересную работу о чернигово-северских землях под властью Литвы. Принимая датировку московско-литовского соглашения 1371 годом⁷⁸, С. Кучиньский привнес в его трактовку и некоторую новизну. В частности, он оспорил мнение Р. В. Зотова и М. С. Грушевского, что новосильские князья не могли называться великими. Польский исследователь привел выдержки из литовско-ливонских и литовско-русских дипломатических документов XV в.⁷⁹, показывавших, что одоевские и новосильские князья титуловались великими, причем отнесение такого титула к новосильским князьям имело смысл до конца 1375 г., когда татарами Мамай был взят Новосиль и столицей княжества стал Одоев⁸⁰. Поэтому С. Кучиньский предложил вернуться к мнению Д. И. Иловайского, согласно которому великий князь Роман московско-литовской перемирной грамоты — это новосильский князь Роман Семенович⁸¹.

Наиболее подробную характеристику московско-литовскому соглашению о перемирии дал Л. В. Черепнин в работе о русских феодальных архивах XIV—XV в. Прежде всего необходимо было как можно точнее датировать договор. Целеустремленный критик А. Е. Преснякова, старавшийся не оставить без внимания любую непоследовательность в рассуждениях своего предшественника, но молчаливо принимавший большинство его доводов и излагавший их как свои собственные, Л. В. Черепнин вынужден был в данном случае согласиться с аргументацией автора «Образования Великорусского государства» и принять его дату составления грамоты — 1371 г.

Более того, Л. В. Черепнин попытался даже усилить аргументацию А. Е. Преснякова. «Мне кажется, — писал он, — текст грамоты дает прямые указания на события 1371 г. Литовские послы выступают от имени Ольгерда и Кейстута Гедиминовичей и смоленского князя Святослава Ивановича. Кроме того, в окончательную грамоту вписаны с литовской стороны князь Михаил Александрович тверской, Дмитрий Ольгердович брянский...»⁸². По мнению исследователя, состав названных в грамоте лиц с литовской стороны вполне соответствовал составу участников похода на Москву в 1370 г.⁸³: Ольгерд, Кейстут со всеми литовскими князьями, Святослав Смоленский и Михаил Тверской. Однако, вопреки утверждению Л. В. Черепнина, полного совпадения не обнаруживается. В договоре назван брянский князь Дмитрий Ольгердович. Его имя отсутствует среди участников нападения на Москву в 1370 г., хотя и возможно, что оно скрыто летописным обобщением «все князи литовстии»⁸⁴. Но в 1372 г. князь Дмитрий Ольгердович был одним из главных предводителей литовских войск, осадивших Переяславль Залесский⁸⁵. Поэтому настаивать на том, что имя Дмитрия Ольгердовича внесено в московско-литовское окончание под влиянием событий конца 1370 г., а не событий апреля — мая 1372 г., нет основа-

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Kuczynski S. M. Ziemie czernihowsko — siewierskie pod rzekami Litwy. Warszawa, 1936. S. 125, eks. 158; S. 174.

⁷⁹ Op. cit. S. 126, eks. 165, 166.⁸⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 113. О переносе столицы княжества из Одоева в Новосиль сообщают родословные книги, подчеркивая, что это произошло при князе Романе Семеновиче Новосильском, который «из Новосили в Одоев пришел жити от насилья от татарского». См.: Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 112.

⁸¹ Kuczynski S. M. Ziemie czernihowsko — siewierskie pod rzekami Litwy. S. 125—126.

⁸² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. М.; Л., 1948. С. 46.

⁸³ На с. 46 монографии Л. В. Черепнина этот второй поход Ольгерда на Москву в 1370 г. дважды ошибочно отнесен к 1371 г.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 17. Именно на Воскресенскую летопись ссылался в данном случае Л. В. Черепнин (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. С. 46, примеч. 139).

⁸⁵ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. I. Пгт., 1915. С. 297.

ний. К тому же, совершенно тот же состав участников похода на Москву был и в 1368 г. (дополнительно указан только сын Кейстута Витовт)⁸⁶. Делается очевидным, что союз Ольгерда, Кейстута, Святослава Смоленского, Михаила Тверского существовал в течение ряда лет, в том числе и в год составления московско-литовской перемирной грамоты. Однако из факта многолетнего существования такого союза нельзя вывести точную дату написания конкретного документа.

Другой аргумент Л. В. Черепнина заключался в том, что в 1370 г. на помощь московским князьям, отражавшим нападение Ольгерда и его союзников, пришел Владимир Пронский. И князь Владимир, и рязанский князь Олег написаны в грамоте «в имени» великого князя Дмитрия Ивановича и тоже названы великими. Такое титулование показалось Л. В. Черепнину симптоматичным. На его взгляд, между этими князьями «шла борьба за великое Рязанское княжение. Московский князь использовал эту борьбу в своих интересах. В середине 1371 г. он еще не знал, кто из рязанских князей захочет быть с ним в союзе и кому он в силу этого сам окажет поддержку. Поэтому в договорном тексте 1371 г. оба они названы “великими” и оба в условной форме записаны в докончание на стороне Москвы»⁸⁷. А к концу 1371 г. сражение под Скорнищевым определило положение: московский князь поддержал Владимира Пронского⁸⁸. Разгром москвичами войск Олега Рязанского у Скорнищева действительно имел место, этот факт нашел отражение в источниках, а все, что написано в «Русских феодальных архивах XIV—XV в.» о рязанских событиях до 14 декабря 1371 г., места не имело, поскольку выражает одни исследовательские догадки и совершенно не подкрепляется древними свидетельствами. Так, утверждение Л. В. Черепнина, будто до московско-рязанского столкновения зимой 1371 г. шла борьба между Олегом Рязанским и Владимиром Пронским, противоречит летописному свидетельству о приходе на помощь москвичам во время второй «литовщины» (декабрь 1370 г.) князя Владимира Пронского, «а с нимъ рать Рязаньская»⁸⁹. Если с пронским князем против Ольгерда были отпущены и рязанские полки, это означает, что Олег Рязанский вполне доверял в то время князю Владимиру, они находились в союзе, а не во вражде, как писал автор «Русских феодальных архивов XIV—XV в.». Прокламируемая Л. В. Черепниным «условная форма» внесения в московско-литовский договор имен Олега Рязанского и Владимира Пронского, появившаяся в монографии, видимо, под влиянием рассмотренных выше допущений А. Е. Преснякова, прямо опровергается текстом грамоты, где сказано, что соглашение распространяется на тех князей, кто находится с московским великим князем «в любви и в докончаньи». Никакой условности здесь нет. Внесение в соглашение имен рязанского и пронского князей определялось уже существовавшими к моменту московско-литовской договоренности их союзными грамотами с Москвой, имевшими не условную, а вполне реальную юридическую силу.

Искусственным представляется и предложенное Л. В. Черепниным объяснение титулов Олега Рязанского и Владимира Пронского. Если они оба названы великими князьями потому, что Дмитрий Московский еще не знал, кто из них станет его союзником, а кто противником, то как же надо объяснять тогда точно такой же титул князя Романа? Л. В. Черепнин прав лишь в том отношении, что битва у Скорнищева продемонстрировала существование крупных противоречий между Москвой и Рязанью. Таких противоречий не было в момент составления московско-литовской грамоты о перемирии. Но на это обстоятельство уже обращал внимание А. Е. Пресняков.

В работе Л. В. Черепнина присутствует и еще один довод, не позволяющий, на первый взгляд, относить рассматриваемое соглашение к 1372 г. Самим исследователем этот аргумент был оставлен без внимания, но оценки он, безусловно, заслуживает. По мнению Л. В. Черепнина, противостояние литовских и московских полков под Любутском имело место в июне 1372 г.⁹⁰ Если так, то возникал

⁸⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 88.

⁸⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. С. 47.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 94.

⁹⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. С. 46.

хронологический разрыв между ведением под Любутском переговоров о мире (в июне) и указанным в грамоте началом перемирия — со дня «Оспожына заговѣньи» (1 августа). А такой разрыв мог служить основанием для отнесения грамоты к другому времени, в частности, к защищаемому Л. В. Черепниным 1371 году. Однако при определении времени противостояния под Любутском сил, возглавлявшихся Дмитрием Московским и Ольгердом Литовским, Л. В. Черепнин исходил из свидетельств весьма поздних русских летописных сводов XVI в. И Никоновская летопись, и Воскресенская летопись, которыми пользовался в данном случае исследователь, относили любутское противостояние к 12 июня⁹¹. Именно на эти летописи и ссылаясь Л. В. Черепнин⁹². Но в значительно более ранних летописных сводах XV в. встреча под Любутском литовских и московских полков отнесена не к июню, а к июлю 1372 г.⁹³, что и является правильным.

Соблазнившись тем, что в Никоновской летописи отъезд Дмитрия Ивановича в Орду датирован 15 июля 1371 г., а после этого говорится о приезде в Москву литовских послов, Л. В. Черепнин временем составления интересующего нас договора посчитал вторую половину июля 1371 г., что очень подходило к названному в нем сроку перемирия — от 31 июля (дата, принятая Л. В. Черепниным) до 26 октября⁹⁴. Однако июль вместо июня стоит в Никоновской летописи XVI в. явно по описке⁹⁵. Более ранние своды единодушно свидетельствуют об отправлении московского князя в Орду 15 июня, подчеркивая, что тот день приходился «на память святого пророка Амоса въ недѣлю». Память пророка Амоса отмечалась 15 июня, в 1371 г. этот день действительно был воскресным⁹⁶. Поскольку же договор был заключен в отсутствие великого князя Дмитрия, Л. В. Черепнин объяснял, что «поэтому и печать у грамоты не княжеская, а митрополичья»⁹⁷, повторяя довод А. Е. Преснякова, но подчеркивая данное обстоятельство резче, чем он. Совершенно очевидно, что мнение Н. П. Лихачева относительно печатей московско-литовской перемирной грамоты, высказанное им в 1930 г., ускользнуло от внимания Л. В. Черепнина. Однако этому было свое оправдание. Дело в том, что издание второго выпуска исследования Н. П. Лихачева было прекращено в связи с «академическим делом» 1930 г. Успели отпечатать всего несколько десятков экземпляров книги, но и они были арестованы. Для научной общественности вторая часть труда Н. П. Лихачева стала доступна только в 70-ые годы благодаря В. Л. Янину. В 40-ые годы XX в., когда писал Л. В. Черепнин, о существовании этой работы Н. П. Лихачева почти ничего не было известно, и правильная оценка сфрагистического материала московско-литовской грамоты оказалась отложенной на десятилетия.

Исходя из убеждения о заключении московско-литовской грамоты о перемирии в июле 1371 г., Л. В. Черепнин достаточно последовательно проанализировал содержание докончания применительно к политической ситуации середины 1371 г. Как и А. В. Экземплярский, Л. В. Черепнин нашел, что больше всего места в грамоте занимает рассмотрение вопросов, связанных не с московско-литовскими, а с московско-тверскими отношениями. Докончание называет великое княжение отчиной московского князя; требует от тверского князя Михаила Александровича возврата награбленного в великом княжении имущества; устранения с территории великого княжения его наместников и волостелей, а в случае отказа от их добровольного ухода оговаривает право московского князя свести их силой; без вмешательства Ольгерда устанавливает возможность наказания тверского князя за грабежи и пакости в великом кня-

⁹¹ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 19; Т. VIII. С. 20.

⁹² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. С. 46, примеч. 136. Еще одна летопись, на которую в примеч. 136 ссылался исследователь, Симеоновская, даты стояния под Любутском не приводит. См.: ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 113.

⁹³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 103; Т. IV. Ч. I. Вып. I. С. 300; Т. V. СПб., 1851. С. 233.⁹⁴ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. С. 47 и примеч. 142.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. XI. С. 15.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 96; Т. XVIII. С. 110.

⁹⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. С. 47.

жении после подписания перемирия; оговаривает допустимость действий против Михаила Орды. Тем самым, по словам Л. В. Черепнина, выяснялась «очень тонкая и умная политика и дипломатия московского правительства», направленная на изоляцию Твери, отрыву ее от главного союзника — Литовского великого княжества⁹⁸. Других статей докончания Л. В. Черепнин подробно не разбирает, а о существовании последней — о Ржеве — даже не упомянул. В итоге получилось, что единственное уцелевшее соглашение между Дмитрием и Ольгердом содержало только такие условия, какие были выгодны исключительно Москве и совершенно неприемлемы для Литвы. А в таком случае следовало вполне логичное заключение, что докончание «не удовлетворило великого князя литовского, поэтому в следующем, 1372 г., мы видим его снова воюющем на стороне Михаила тверского, против Дмитрия Ивановича»⁹⁹. Побочный вывод заключался в том, что московско-литовский договор в полном объеме осуществлен не был, в лучшем случае он дал сторонам мирную передышку на три месяца.

Крупной научной заслугой Л. В. Черепнина стало обнаружение им в Описи архива Посольского приказа 1627 г. приведенных выше сведений о хранившихся тогда в Москве нескольких московско-литовских договорных грамотах 50-х—80-х годов XIV в. Правда, эти сведения Л. В. Черепнин почему-то возвел к «одной копияной книге, составленной при Иване III»¹⁰⁰, хотя в источнике речь прямо шла о тетрадах, одна из которых сохранялась в архиве более длительное время, чем другие, но с Описью архива Посольского приказа 1673 г. ученый не ознакомился. Тем не менее, благодаря этим сведениям XVII в., Л. В. Черепнину удалось гораздо полнее охарактеризовать отношения Дмитрия Ивановича с Ольгердом и его сыном Ягайло. Исследователь попытался также использовать обнаруженные им данные и для характеристики дошедшей московско-литовской перемирной грамоты. «Знакомство с описью 1626 г., — решительно писал Л. В. Черепнин, — совершенно исключает возможность датировки изучаемого литовско-московского докончания 1372 годом и опровергает доводы тех исследователей, которые пытаются связать этот документ с обстоятельствами московско-литовского сражения под Любут-

⁹⁸ Там же. С. 47—48.

⁹⁹ Там же. С. 49.

¹⁰⁰ Там же. Ко времени Ивана III составление копий Л. В. Черепнин возвел потому, что в 1493—1494 гг. по его мнению были составлены списки договорных грамот московских князей с рязанскими. А потребовались они для проходивших в указанные годы московско-литовских переговоров, где, в частности, речь велась о том, быть ли Рязани «в стороне» Москвы или Литовского великого княжества. (Там же. С. 205—207). По аналогии Л. В. Черепнин заключил, что и списки московско-литовских и литовско-московских грамот были составлены в то же время. (Там же. С. 207). Хотя приведенные Л. В. Черепниным основания оказываются шаткими, создание копияных тетрад с договорными грамотами Ивана Ивановича и Дмитрия Ивановича с Ольгердом Гедиминовичем и его сыновьями в 90-ые годы XV в. представляется вероятным. Дело в том, что на переговорах в Москве в январе — феврале 1494 г. литовское посольство во главе с воеводой троцким и маршалком земским Петром Яновичем обсуждало вопросы ранних московско-литовских отношений, причем стороны ссылались на договорные грамоты великих князей Симеона Ивановича и Ивана Ивановича с литовскими великими князьями Ольгердом и Кейстутом Гедиминовичами (См.: Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1892. С. 114, 115). Это единственное упоминание московско-литовских докончаний XIV в. в русско-польско-литовских переговорах конца XV столетия и дает основание относить составление копияных тетрад с московско-литовскими документами к указанному времени. Другое основание — дата 6902, указанная в Описи архива Посольского приказа 1627 г. при описании копияной тетради № 3 московско-литовских договорных грамот XIV в. Дата не может свидетельствовать о времени составления указанного в Описи докончания Ягайло, Скиргайло и Корибута Ольгердовичей с Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, во-первых, потому, что договорные грамоты XIV в. дат не имели, а, во-вторых, потому, что Дмитрий Донской умер за пять лет до указанной даты. Скорее всего, дата определяет время составления копий, причем дата 6902 год является опиской, верная дата — 7002 год. Ошибка ровно на 100 лет бывает в датированных записях (Об этом см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 126). Кроме того, возможно, что составители Описи 1627 г. не смогли правильно прочесть цифру 7000, которая в начале 90-х годов XV в. писалась иногда не вполне обычно, например, как 6990 и 10 (См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Стб. 93). Во всяком случае, дата 7002 год точно соответствует тому году русско-литовских переговоров, когда впервые стороны использовали договорные грамоты 40—50-х годов. XIV в.

ском. Дело в том, что опись 1626 г. упоминает о списке московско-литовского договора, заключенного после боя под Любутском, совершенно определенно отличая его от текста dokonчания, оформленного в Москве в 1371 г. митрополитом Алексеем и боярами: «грамота dokonчальная Олгердова с великим князем Дмитрием Ивановичем под Любуцком»¹⁰¹. Указание Описи архива Посольского приказа 1627 г. на существование письменного договора митрополита Алексея с послами Олгерда Гедиминовича и другой грамоты, составленной «под Любуцком», действительно, очень важно, поскольку свидетельствует именно о письменных, а не об устных договоренностях сторон в 1371 и 1372 годах, чего не всегда можно извлечь из расплывчатых летописных известий. Однако опровергать или подтверждать датировку сохранившейся московско-литовской договорной грамоты такие указания Описи 1627 г. не могут. Это продемонстрировал и сам Л. В. Черепнин, сначала датировавший грамоту на основании ее содержания и сопоставления с данными летописных сводов, и лишь потом сравнивший ее с характеристиками московско-литовских dokonчальных грамот XIV в., зафиксированными Описью 1627 г. Если бы Л. В. Черепнин отнес изучаемую грамоту к 1372 году, то, исходя из предложенных им самим критериев, он должен был бы с такой же решительностью отождествлять ее с хранившейся в XVII в. в Посольском приказе копией грамоты «под Любуцком», а не с грамотой митрополита Алексея. Однако явная упрощенность сравнения сохранившейся грамоты с утраченными копиями и беспечелляционность суждения о результате такого сличения, якобы подтверждающем нужную ученому датировку и опровергающую датировку других исследователей, оказываются ненадежными приемами в научных разысканиях. Ниже, при определении времени составления грамоты, на этом придется остановиться подробнее.

Спустя два года после выхода в свет первой части монографии о русских феодальных архивах XIV—XV в. Л. В. Черепнин издал текст самой грамоты¹⁰². Это было третьим в науке изданием источника по подлиннику. Л. В. Черепнин гораздо точнее, чем его предшественники, передал особенности оригинала. Он сохранил все буквы подлинника. Выносные согласные были вставлены в строку, но обозначены курсивом. Аббревиатуры полностью раскрывались, недостающие буквы вносились в строку и заключались в круглые скобки. Механически утраченные слова и буквы восстанавливались и помещались в квадратные скобки. В издании 1950 г. нашли отражение некоторые палеографические особенности публиковавшегося источника. Л. В. Черепнин впервые отметил удвоение слов **со княз(е)мь**¹⁰³, а также написание слова **Олгърдомъ** над строкой 46¹⁰⁴. Текст был разделен на абзацы, в целом соответствовавшие статьям перемирной грамоты.

Однако наряду с несомненными достоинствами, черепнинская публикация московско-литовской перемирной грамоты XIV в. имела и очевидные недостатки. Так, характеристики бумаги, чернил и почерка грамоты в публикации 1950 г. совершенно отсутствовали. Исправления писцом грамоты текста в строках 10, 15, 31, 42, 47, 48 учтены не были. Поверх строки 46 было написано слово **Олгърдомъ**, а не **с Олгърдомъ**, как указано Л. В. Черепниным. Удвоение слов **со княз(е)мь** имеет место в конце строки 16 и в начале строки 17, а не в строке 15 перед словами **с великимъ**, как отмечено у Л. В. Черепнина¹⁰⁵. Отдельные неточности были и в передаче текста. Так, слово **перемирьи** в конце строки 23 — начале строки 24 Л. В. Черепнин передал как **перемирь(е)**, хотя никакого титла над этим словом нет. Слово **великомъ** в строке 25 было напечатано как **великом**, как будто буква **м** была выносной. Не был оговорен в издании источник восстановления механических утрат, и на какой основе издатель производил реконструкцию текста, остается только догадываться. Повреждения некоторых

¹⁰¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. С. 49 и примеч. 147.

¹⁰² ДДГ. № 6. С. 21—22.

¹⁰³ Там же. С. 22, примеч. 1.

¹⁰⁴ Там же. С. 22, примеч. 2.

¹⁰⁵ Там же. С. 22, примеч. 1.

букв, например, в строках 8, 19, 44, 45, не отмечались. Не указано, что в строке 14 из-за механического повреждения отсутствуют две последние буквы в слове **кня[зю]**. Перечисленные упущения, несомненно, несколько обедняли характеристику грамоты, но не мешали ее интерпретации как важного внешнеполитического документа XIV в.

После исследования и публикации Л. В. Черепнина датировка сохранившейся московско-литовской договорной грамоты 1371 годом стала хрестоматийной, ее никто не пытался оспорить. Поэтому повторное издание грамоты М. С. Пещак в 1974 г. относило договор к тому же 1371 г. без всяких пояснений¹⁰⁶. Правда, вместе с годом был точно указан промежуток времени, когда документ мог быть составлен — «31 липня — 25 жовтня»¹⁰⁷. Однако 31 июля—25 октября (очевидно, М. С. Пещак считала, что слова грамоты «до Дмитриева дни» означают не сам Дмитриев день, а его канун) определяли не время написания грамоты, а время перемирия между заключившими соглашением сторонами. Издание 1974 г. было осуществлено не по подлиннику, а по публикации в «Духовных и договорных грамотах» 1950 г., к которой были подведены варианты из учебного издания 1882 г. А. И. Смирнова, «Древней российской вивлиофики», «Собрания государственных грамот и договоров», труда Н. В. Ростиславича-Савельева¹⁰⁸. Подведение подобных вариантов было делом совершенно бессмысленным, поскольку все публикации своим источником имели один и тот же оригинал, а публикации А. И. Смирнова и Н. В. Ростиславича-Савельева повторяли издание грамоты в «Собрании государственных грамот и договоров». В лучшем случае такие варианты могли пролить свет на археографические приемы издателей XVIII—XIX в., но не получилось даже этого, поскольку варианты были приведены М. С. Пещак выборочно. Однако публикация 1974 г. сопровождалась изданием снимка грамоты¹⁰⁹. Хотя по сравнению с подлинником снимок был уменьшен, до сегодняшнего дня это единственное фотовоспроизведение документа. На снимке виден почерк грамоты, некоторые особенности письма, в частности, наличие большого чернильного пятна в строке 10 документа. Напрашивалась необходимость палеографических примечаний к тексту договора, но не последовало не только новых пояснений палеографических особенностей текста, но и те два примечания относительно специфики написания грамоты, что были приведены при издании договора в 1950 г., оказалось опущенными. Ценность издания 1974 г. — лишь в публикации фотоснимка рассматриваемого докончания.

Со ссылкой только на работу Л. В. Черепнина включил договор между Москвой и Литвой в составленный им перечень документов московской великокняжеской канцелярии середины XIV — первой четверти XV в. В. А. Водов¹¹⁰. Естественно поэтому, что договор был помещен в этом списке как заключенный в 1371 г. Правда, уточняющая дата, приведенная французским ученым, июля 31 — октября 26, неверна. Она с минимальной поправкой повторила дату, указанную в киевском издании 1974 г., но дату, как было сказано выше, ошибочную. При принятии 1371 г. как года написания грамоты было бы логичнее остановиться на месяце июле, что и предлагал в свое время А. Е. Пресняков.

Несколько новых наблюдений над текстом грамоты сделал Э. Клюг. Он также несколько не сомневался в том, что московско-литовское докончание относится к 1371 г. В этом его убеждали два момента: 1) летописное известие о приезде в Москву литовских послов летом 1371 г. и 2) скрепление грамоты не великокняжеской, а митрополичьей печатью. Дополнительным аргументом служили сведения Описи архива Посольского приказа 1627 г., где договорные грамоты митрополита Алексея с литовски-

¹⁰⁶ Пещак М. С. Грамоты XIV ст. Київ, 1974. № 23. С. 46—49.

¹⁰⁷ Там же. С. 46.

¹⁰⁸ Там же. С. 49.

¹⁰⁹ Там же. С. 48.

¹¹⁰ Водов В. А. Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в.—1425 г.) // Исторические записки. М., 1979. Вып. 103. С. 330. № 26.

ми послами в Москве и Ольгерда с Дмитрием Ивановичем под Любутском упоминались отдельно. Следовательно, заключал Э. Клюг, дошедшая грамота не может быть отождествляема с любутским соглашением 1372 г., она должна относиться к 1371 г.¹¹¹ Так два аргумента позитивных и один негативный, почерпнутые из работы Л. В. Черепнина, убеждали немецкого историка и его читателей в правильности господствовавшей в научной литературе XX в. датировки грамоты.

Далее Э. Клюг постарался связать содержание грамоты с событиями 1371 г. Он полностью согласился с мнением Л. В. Черепнина, что московская сторона пыталась в договоре с Литвой добиться «полной изоляции Твери»¹¹². В то же время немецкий историк обратил внимание на обстоятельство, оставленное без рассмотрения прежними исследователями. Грамота составлялась в тот момент, когда великий князь Дмитрий Московский был в Орде, ярлык же на великое княжение Владимирское находился в руках Михаила Александровича. Тверской князь даже по формальным основаниям должен был титуловаться великим князем, но в московско-литовской перемирной грамоте он назван просто князем. Такое наблюдение было весьма существенным, но Э. Клюг истолковал его довольно своеобразно. Он полагал, что с ханским ярлыком и при литовской поддержке тверской князь уже летом 1371 г. мог захватить владимирский стол и стать великим князем. Анализируя подобную возможность, историку следовало бы учесть и вероятные препятствия на пути ее осуществления. А они были достаточно серьезны. Это сопротивление москвичей, жителей Владимирского великого княжества, помощь союзных Москве князей, возможность возвращения из Орды Дмитрия Ивановича с татарским войском, способным опустошить Тверь, как это было в 1327/28 г., наконец, нежелание помогать тверскому князю со стороны Литвы, которая при осуществлении своих планов относительно земель Северо-Восточной Руси могла столкнуться с противодействием на сей раз не московского династа на владимирском великокняжеском столе, а династа тверского. Шаги Михаила Александровича, отправившего в конце мая 1371 г. в Орду своего сына Ивана, выглядят гораздо реалистичнее, чем рекомендации действий людям XIV в. историка XX столетия. Э. Клюг же для ответа на поставленный им вопрос, почему Ольгерд не помог Михаилу летом 1371 г. стать великим князем Владимирским, остановился лишь на одном объяснении. Сославшись на Л. В. Черепнина, который указал на отражение в московско-литовском соглашении текстов, подготовленных как литовской, так и московской сторонами, Э. Клюг посчитал, что Михаил Тверской титулован князем в литовской части dokonчания, поскольку все союзники Москвы фигурируют в грамоте как великие князья, а посему заподозрил в игнорировании тверских интересов литовского великого князя. «Ольгерд, — по словам Э. Клюга, — однако, отказал ему (Михаилу Тверскому — В. К.) в своей поддержке и попытался, кажется, достичь компромисса с Москвой»¹¹³. Так была истолкована разница в титуловании Михаила Александровича только князем в рассматриваемой грамоте и реальней лета 1371 г., когда Михаил, согласно ордынскому ярлыку, остался единственным великим князем Владимирским на Руси. К сожалению, немецкий историк не подверг текст грамоты более тщательному анализу, который показал бы ему, что князем Михаила Тверского титуловала в договоре не литовская, а московская сторона. Последнее ведет к переоценке политических устремлений Москвы и Литвы.

Небольшой абзац посвятил московско-литовскому договору С. М. Каштанов. Он традиционно отнес его к 1371 г., но затронул вопрос совершенно нетрадиционный, касающийся формуляра договора. Отметив, что имена главных князей, заключивших соглашение, Ольгерда и Дмитрия, находятся в интитуляции (первого) и инскрипции (второго), исследователь обратил внимание на то, что инскрипция входит «в состав фразы о посылке Ольгердом своих послов к московскому князю». Такая особенность

¹¹¹ Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 239, примеч. 37.

¹¹² Там же. С. 201.

¹¹³ Там же.

грамоты, по мнению С. М. Каштанова, может свидетельствовать о том, что ее формуляр отразил «в большей мере традиции литовской, чем московской великокняжеской канцелярии»¹¹⁴. Сказанное в лучшем случае может относиться только к начальной части формуляра договора. В остальном же он не имеет отличий от других московских договорных грамот XIV в. С. М. Каштанов отметил также скрепление грамоты двумя печатями, но, в отличие от А. Е. Преснякова, написал, что из них «одна — литовская, другая — предположительно митрополита Алексея»¹¹⁵. Оценка Н. П. Лихачева этих печатей осталась исследователю неизвестной.

* * *

Теперь, ознакомившись с мнениями исследователей о времени составления, выработке условий соглашения, самих этих условиях, общем историческом значении договорной грамоты, можно перейти к вопросу о дате документа и анализу его текста.

Построение московско-литовского договора по московскому формуляру кажется тем более естественным, что докончание, как показал еще Л. В. Черепнин, содержит тексты, взятые из грамоты литовской и из грамоты московской. Начальная часть договора явно построена от лица литовской стороны: «[Се] азъ, князь великий Олгѣрдъ, своимъ брат(о)мъ, со княз(е)мъ с Кестутемъ ... [по]слали есмы своихъ пословъ къ брату къ своему, к велико[му] князю Дмитрею Иванович(ю), и къ его брату, ко княз(ю) к Володимеру Аньдрѣвич(ю)...». Но уже со статьи 3 диспозиции обнаруживается московская рука: «кто буд(е)тъ оу княз(я) оу великого оу Олгѣрда в ымени его». Слово «его» показывает, что литовский великий князь начинает упоминаться в тексте договора не в первом, как раньше, а в третьем лице. В данной связи выразителен сходный оборот статьи 4 рассматриваемого соглашения, где говорится о союзниках Москвы: «кто буд(е)тъ в нашемъ имени». Делается очевидным, что противопоставление князей «в нашемъ имени» князьям «в ымени его» исходит из текста московской грамоты. Повторение нормы, зафиксированной в статье 2 докончания: «А межы нас нашимъ посломъ ѣздити, путь имъ ч(и)сть», в статьях 9 («А межы нас посломъ литовъскимъ, и нашимъ, и смоленскимъ ... путь ч(и)сть») и 10 («А посломъ тѣбрьскимъ и нашимъ промежы нас путь ч(и)сть») свидетельствует об использовании в московско-литовской перемирной грамоте разных источников, один из которых мог быть литовским, а другой — московским. Надо полагать, что текст договорной грамоты появился в результате согласительной редакционной работы, предпринятой полномочными представителями Литвы и Москвы на основании предъявленных каждой стороной проектов соглашения. Наблюдения над палеографией грамоты подтверждают тот факт, что ее текст списывался с уже имевшейся черновой заготовки.

Когда же московская и литовская стороны оформили данное соглашение? Время, до которого была составлена договорная грамота, было указано еще Н. М. Карамзиным. Это кончина упомянутого в договоре князя Владимира Дмитриевича (Ярославича) Пронского. Как показано было выше, историки XIX в. относили смерть этого князя к 1372 г. Дату следует уточнить. Наиболее раннее летописное известие о смерти Владимира Пронского сохранилось в Рогожском летописце. Там оно помещено после сообщения о разрыве отношений между кашинским князем Михаилом Васильевичем и тверским великим князем Михаилом Александровичем. Разрыв произошел «въ Рожество на зимѣ»¹¹⁶. Владимир Пронский также «на зимѣ преставися». Далее в Рогожском летописце следуют два заключающие статью 6880 года известия: о смерти «тое же зимы» 1 марта князя из тверского княжеского дома Еремея Константиновича и 27 марта тверского епископа Василия¹¹⁷. Статья 6880 года в Рогожском летописце — мартовская. В ней сохранилась полная дата взятия Михаилом Александровичем Тверским Торжка

¹¹⁴ Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X—XVI вв. М., 1996. С. 66.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 104.

¹¹⁷ Там же.

— понедельник 31 мая¹¹⁸, что соответствует 31 мая 1372 г. Известие о смерти Владимира Пронского читается после летописной заметки о событии 25 декабря 1372 г. и до сообщения о событии 1 марта 1373 г. Таким образом, Владимир Пронский скончался, скорее всего, в январе— феврале 1373 г. Следовательно, московско-литовское соглашение не могло быть оформлено после февраля 1373 г.

С другой стороны, статья 6 договора упоминает наместников и волостелей тверского князя, которые он «вослал в нашу очину в великое княженье». Вводить свою администрацию на территориях, ранее ему не принадлежавших, Михаил Александрович Тверской мог начать в 1371 г., когда получил в Орде ярлык на великое княжение Владимирское. Возможно, самый ранний случай такого рода имел место в апреле 1371 г., когда тверской князь воевал Бежецкий Верх¹¹⁹. Если так, то грамота не могла быть составлена ранее апреля 1371 г. Иными словами, теоретически допустимые хронологические рамки заключения рассматриваемого московско-литовского договора ограничиваются временем с апреля 1371 г. по февраль 1373 г. включительно. Поскольку статья 1 соглашения устанавливает перемирие «от Оспожына заговѣнья до Дмитриева дни», т. е. от 1 августа до 26 октября, делается очевидным, что соглашение было заключено до 1 августа или именно в этот день. А в таком случае речь может идти или о лете 1371 г., или о лете 1372 г. Лето какого же года стало временем оформления грамоты?

Рассмотрим аргументацию тех исследователей, которые датировали перемирие 1371 г. Наиболее полно ее изложил А. Е. Пресняков. Прежде всего он обращал внимание на то, что переговоры в 1371 г. с московской стороной вели литовские послы, а в *pagatio* грамоты как раз и говорилось о том, что Ольгерд и его союзники «[по]слали есмы своихъ пословъ къ брату къ своему, к велико[му] князю Дмитрею Иванович(ю)». Такое сопоставление вполне правомерно, но делать отсюда вывод, что составители летописи и составители договора имели в виду одно и то же посольство, нельзя. В самом деле, в 1371 г. в Москву приезжали послы от Ольгерда, договаривавшиеся о выдаче замуж за Владимира Андреевича Серпуховского дочери литовского великого князя. В грамоте же вместе с литовскими князьями фигурирует и смоленский великий князь Святослав Иванович, который также заключал соглашение с Дмитрием Московским. Ни о каких брачных связях в договорной грамоте речи не ведется. Согласно летописи, литовские послы приехали в Москву после 15 июня 1371 г. Их приезд был явно связан с истекшим 29 июня 1371 г. сроком перемирия, заключенного в декабре 1370 г. Переговоры посланников Ольгерда в Москве прошли успешно, Елена Ольгердовна была сосватана за двоюродного брата великого князя Дмитрия Владимира Андреевича. В таком случае стороны должны были продлить перемирие. Как показывает практика тех лет, продлеваться перемирие должно было с 29 июня. Во всяком случае договор новгородцев с Любеком и Готским берегом, заключенный 20 июля 1372 г., продлевал ранее существовавшее между ними перемирие до 24 июня 1372 г. еще на два года, но до того же 24 июня, а не до 20 июля¹²⁰. Московско-литовская договорная грамота устанавливает перемирие с 1 августа, что не совпадает с датой подтвержденного в 1371 г. в Москве прежнего перемирия — 29 июня.

Рассматриваемое dokonчание сопровождалось целованием креста послов московских князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича. Сами князья крест не целовали. По мнению А. Е. Преснякова, это обстоятельство указывает на то, что Дмитрий Московский отсутствовал в Москве, т. е. свидетельствует о времени после 15 июня 1371 г., когда великий князь выехал в Орду. Однако данный факт не может оцениваться подобным образом. По грамоте, крест литовским послам не целовал и Владимир Андреевич, а он в 1371 г. находился в Москве, и тогдашние переговоры касались его непосредственно, за него сватали дочь недавнего врага. Очевидно, отсутствие фиксации в грамоте прямого крестоцелования Дмитрия Московского и Владимира Серпуховского связано с особенностями дипломатического оформления грамоты, а не с отсутствием или наличием московских князей во время ее составления. С ли-

¹¹⁸ Там же. Стб. 101.

¹¹⁹ Там же. Стб. 96.

¹²⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВН и П). № 43. С. 77, 79 и примеч. 1 на с. 77.

товской стороны крест также целовали только послы, а не князя (литовские князья как язычники должны были бы давать роту).

Очень важным аргументом при отнесении анализируемого договора к 1371 г. было бы скрепление грамоты митрополичьей печатью. Важным потому, что, согласно летописному известию, литовское посольство приехало в Москву летом 1371 г. при митрополите Алексее¹²¹ и именно от лица митрополита, как о том свидетельствует Опись архива Посольского приказа 1627 г., был заключен договор с Литвой. В том, что вторая из скрепляющих докончание печатей принадлежит митрополиту Алексею, А. Е. Пресняков не сомневался. Более осторожное мнение высказал Л. В. Черепнин. Дав довольно странное описание второй привешенной к грамоте печати («иконописное изображение»), он приписал ее митрополиту Алексею «предположительно». Вместе с тем в сноске ученый указал, что «самый характер изображения также может свидетельствовать о принадлежности митрополиту» данной печати¹²². По-видимому, «иконописное изображение» уже само по себе было для Л. В. Черепнина признаком принадлежности буллы главе русской церкви. В специальном сфрагистическом исследовании Н. А. Соболева, следуя за такими авторитетами, как А. Е. Пресняков и Л. В. Черепнин, также отнесла эту печать к печатям митрополита Алексея¹²³. Мнение Н. П. Лихачева относительно данной печати Н. А. Соболевой учтено не было. Между тем весь собранный исследовательницей материал свидетельствует об ином. Вислые печати русских митрополитов до начала XVI в. были двусторонними, на лицевой стороне имели изображение богородицы (или «Знамение», или сидящей на престоле), а на оборотной — имя и титул обладателя печати¹²⁴. Так же были оформлены печати архиепископов ростовских (и ярославских) и епископов суздальских (и тарусских) XV — начала XVI в.¹²⁵ Выясняется, что уже с конца XI в. изображение богородицы на печатях русских митрополитов вытесняет изображения других святых¹²⁶. С XII в. изображение богородицы (Оранты или «Знамения») становится обязательным на владычных печатях. Так были оформлены печати епископов (позднее — архиепископов) новгородских XII—XIII в., смоленских, полоцких, галицких и ростовских XII в.¹²⁷ То же изображение до начала XV в. имели печати архиепископов Новгорода Великого¹²⁸. В. Л. Янин считает, что изображение богородицы помещалось на оборотной стороне печати. Н. А. Соболева же, не обсуждая данного вопроса, пишет, что это изображение лицевой стороны буллы. Права оказывается Н. А. Соболева. Как показывает изучение печатей, привешенных к документам, Оранта или «Знамение» изображалась именно на их лицевой стороне¹²⁹. Надпись на печа-

¹²¹ ПСРЛ.Т. XV. Вып. I. Стб. 96.

¹²² ДДГ. С. 568; примеч. 1.

¹²³ Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991. С. 186. № 149.

¹²⁴ Там же. С. 186—187. №№ 150—156.

¹²⁵ Там же. С. 188—189. №№ 157—162.

¹²⁶ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. I. М., 1970. С. 175—176. № 45—51, 53. № 52 по своему оформлению отличается от всей группы митрополичьих печатей конца XI—начала XIII вв., но местонахождение данной печати, входившей в одну из стамбульских коллекций, неизвестно (Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. III. М., 1998. С. 118—119. № 47а—53—3, 54—4).

¹²⁷ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. I. С. 176—179, № 54—66; Т. III. С. 119—120. № 53а, 61а—66—2. То же изображение Оранты на печати Григория, предположительно, епископа тмутараканского (Т. III. С. 120. № 666).

¹²⁸ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. II. М., 1970. С. 174—178. № 454—473. Т. III. С. 178—180. 453а—470—3(?).

¹²⁹ Ср., например, позолоченный аргировул митрополита Алексея, скрепляющий первое завещание Дмитрия Донского. Лицевой стороной печати является та, что несет изображение богородицы. Да и сама техника изготовления данной печати показывает, что именно сторона со «Знамением» является лицевой. Об этой печати см.: Соболева Н. А. Русские печати. С. 186. № 150.

ти московско-литовской перемирной грамоты идет по кругу, надписи на печатях русских церковных иерархов XII— начала XV в. исключительно строчные. Печать грамоты односторонняя и, судя по размерам, перстневая. Ни одной односторонней вислой печати, тем более перстневой, церковных иерархов XIV в. неизвестно. Совершенно очевидно, что вторая печать московско-литовской договорной грамоты не является печатью митрополита Алексея. Падает, следовательно, самый важный аргумент сторонников датировки договора 1371 годом.

Еще одно соображение А. Е. Преснякова относительно того, что отмеченные в грамоте «любовь и докончание» Дмитрия Ивановича Московского с рязанским великим князем Олегом могли иметь место только до декабря 1371 г., когда между москвичами и рязанцами произошло сражение у Скорнищева, а потому договор не мог быть заключен после 1371 г., было бы весомым, если бы после декабря 1371 г. между Москвой и Рязанью продолжали сохраняться враждебные или, по меньшей мере, натянутые отношения. Однако хорошо известно, что уже в договоре Москвы и Новгорода с Тверью 1375 г., продиктованном московской и новгородской сторонами, рязанский князь Олег фигурирует как третейский судья в спорах москвичей с тверичами¹³⁰. Очевидно, после боя при Скорнищеве московский и рязанский князья полностью примирились, и нельзя исключать того, что примирение последовало до составления московско-литовской договорной грамоты.

Наконец, последний, негативный довод А. Е. Преснякова состоял в том, что договор 1372 г. под Любутском заключил сам Ольгерд, а договорная грамота была оформлена его послами. Следовательно, последнюю нельзя отождествлять с соглашением под Любутском. Однако и данное исследовательское соображение не может не вызывать возражений. Прежде всего следует указать на то, что при сопоставлении грамоты с летописными данными сам А. Е. Пресняков пользовался свидетельствами Симеоновской, Никоновской, Воскресенской летописей, а также Тверского сборника¹³¹. В наиболее ранней из названных летописей — Симеоновской — о мире под Любутском говорится так: «взяша миръ промежу собою и разидошася разнo»¹³². Близок Симеоновской текст Никоновской летописи: «взяша миръ межи собою и разыдошася»¹³³. Еще ближе текст Воскресенской: «вземше миръ межи себе, разыдошася разнo»¹³⁴. Несколько иной текст в Тверском сборнике: «възме миръ, поидоша во своаси»¹³⁵. Как видно, ни один из этих летописных памятников не называет прямо Ольгерда в качестве князя, заключившего мир под Любутском. Однако утверждение А. Е. Преснякова отнюдь не беспочвенно. Летописные своды, упоминающие имя литовского великого князя Ольгерда, существуют. Это Софийская I и Новгородская IV летописи¹³⁶, которые исследователь знал. Наиболее же ранний текст с таким упоминанием сохранился в Рогожском летописце: «и возма миръ князь великии Олгѣрдъ со княземъ со Дмитриемъ и поиде въ свояси»¹³⁷. Однако данное известие нельзя расценивать как точное указание на характер оформления договорной грамоты. Речь в летописи идет о мире между двумя чуть было не вступившими в вооруженную борьбу противниками, а как раз в этом и заключается основной смысл разбираемой московско-литовской договорной грамоты, составленной от имени литовского великого князя и адресованной московскому великому князю. Именно главное содержание соглашения было отмечено летописцем, но отнюдь не процедура составления и утверждения договора. Таким образом, все аргументы А. Е. Преснякова и его по-

¹³⁰ ДДГ. № 9. С. 28.

¹³¹ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. С. 236, примеч. 1.

¹³² ПСРЛ. Т. XVIII. С. 113.

¹³³ ПСРЛ. Т. XI. С. 19.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. VIII. С. 20.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 433.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. V. С. 233. Т. IV. СПб., 1848. С. 69. Ср. последние издания этих памятников: ПСРЛ. Т. XXXIX. М., 1994. С. 116. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. Пг; 1915. С. 300.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 103.

следователей (Л. В. Черепнина, Э. Клюга и иных), относивших московско-литовский договор к 1371 г., на поверку оказываются несостоятельными. Но если изучаемую грамоту нельзя датировать 1371 г., тогда ее надо датировать 1372 г. Такой вывод, построенный на негативных соображениях, может быть подкреплён и данными позитивного характера.

Обратимся ещё раз к свидетельствам о московско-литовских договорных грамотах XIV в., содержащимся в Описи архива Посольского приказа 1627 г. Одна из этих грамот описана как «докончальная грамота Олексея митрополита всеа Русии с послы великого князя Ольгерда, как они приходили к великому князю Дмитрею»¹³⁸. И Л. В. Черепнин, и Э. Клюг уверенно писали о том, что сохранившаяся грамота и есть «докончальная грамота Олексея митрополита всеа Русии». Однако сравнение подлинника московско-литовского соглашения с архивным описанием 1627 г. «докончальной грамоты» митрополита Алексея приводит к прямо противоположным заключениям. В самом деле, приказные люди XVII в., описывая ранние московско-литовские договоры, имели дело не с оригиналами, а со списанными в тетради их копиями. Поэтому установить, что одна из грамот была «Олексея митрополита всеа Русии», они не могли, например, по прикрепленной к грамоте печати. Очевидно, что они сумели определить это по тексту грамоты. Но сохранившееся докончание совершенно не упоминает в своем тексте митрополита Алексея. Это означает, что «докончальная грамота Олексея митрополита всеа Русии с послы великого князя Ольгерда, как они приходили к великому князю Дмитрею» и исследуемый подлинник — совершенно разные документы. Последний не может быть договором 1371 г.

Начало статьи 8 рассматриваемого договора констатирует, что «пошли в Орду ко ц(а)рю люд(и) жаловатися на княз(а) на Михаила». Речь идет о московском посольстве в мамаяву Орду. Москвичи ездили туда и летом 1371 г., и в 1372 г. Но летом 1371 г. московскую делегацию возглавили сам московский великий князь Дмитрий Иванович и его союзник князь Андрей Федорович Ростовский¹³⁹. В 1372 г. к мамаяву хану, очевидно, Мухаммед-Булаку, были отправлены только киличей великого князя Дмитрия¹⁴⁰. Едва ли отправившихся в 1371 г. в Орду князей можно было назвать «людьми». Киличей же, посланные к татарам в 1372 г., действительно были людьми великого князя. Таким образом, употребленная в московско-литовском договоре терминология склоняет к тому заключению, что грамота была написана не в 1371 г., а в 1372 г.

Статья 6 договора утверждает, что князь Михаил Тверской «вослал в нашу очину в великое княженье намѣсник(и) или волостели». При толковании данной статьи самым расширительным образом получалось, что речь в ней может идти о действиях тверского князя в Бежецком Верхе в апреле 1371 г. Но Бежичи вплоть до московско-новгородского коростынского договора 11 августа 1471 г. считались новгородской территорией¹⁴¹. Если говорить о землях, которые в 70-х годах XIV в. несомненно принадлежали великому князю Дмитрию Ивановичу и на которые тем или иным образом покушался Михаил Александрович Тверской, то к ним относятся Углич, Кострома, Дмитров, Переяславль и великокняжеская часть Торжка. На Кострому тверской князь хотел напасть летом или осенью 1371 г., но так и не смог дойти до нее¹⁴². Зато в это же время он взял и сжег Углич¹⁴³. Дмитров и Переяславль пострадали в первых числах апреля 1372 г. Однако закрепиться на территориях Углича, Дмитрова и Переяславля Михаил Александрович не смог. А вот в Торжке он своих наместников посадил, о чем прямо свидетельствует летописная статья 1373/74 г., сообщающая о подписании мирного договора между Москвой и

¹³⁸ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 34. Л. 4 об. — 5.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 110.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 104.

¹⁴¹ ГВН и П. № 26. С. 47.

¹⁴² ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 96.

¹⁴³ Там же.

Тверью зимой 1374 г.¹⁴⁴ Но оставить своих наместников в Торжке тверской князь мог только не ранее апреля 1372 г.¹⁴⁵ Следовательно, московско-литовское dokonчание, упоминающее тверских наместников и волостей на территории великого княжения Дмитрия Ивановича, не могло быть заключено ранее апреля 1372 г.

Для датировки грамоты важное значение имеет указание 5 статьи договора: «А что княз(ь) Михаило на первомъ перемирьи, на другомъ и на третьемъ котораи буд(е)тъ мѣста пограбил в нашей очинѣ в великомъ княженъи...». Последующий текст статьи показывает, что речь в договоре идет не о соглашениях между Москвой и Тверью, а о соглашениях между Москвой и Литвою. В свое время М. М. Щербатов сетовал на то, что эти перемирия нельзя ни датировать, ни установить их условий. Упомянул три перемирия и Л. В. Черепнин, но, уклонившись от разбора того, что же следует понимать под «первым» перемирием, «другим» и «третьим», ограничился не очень содержательным общим замечанием: «имеется в виду нарушение ряда договорных грамот о перемирии, начиная с 1368 г.»¹⁴⁶. Между тем исследование московско-литовских отношений, последовавших за первым походом Ольгерда Гедиминовича на Москву в ноябре 1368 г., показывает, что стороны заключали перемирие в конце 1368 или в начале 1369 г. По этому перемирию зимой 1368/69 г. «москвичи отъступились опять Городка и все части княжи Семеновы князю великому Михаилу Александрович[ю], а князя Еремѣя отпустили съ нимъ въ Тфѣрь»¹⁴⁷. Второе перемирие имело место в самом конце 1370 г. после «другой Литовщины», когда Дмитрий Московский заключил перемирие с Ольгердом до Петрова дня (29 июня) 1371 г.¹⁴⁸ Третье перемирие было заключено около 29 июня 1371 г.¹⁴⁹ После всех перечисленных перемирий Михаил Тверской действительно нападал на великое княжение московского князя. Следует подчеркнуть, что речь должна вестись о нападениях именно на земли бывшего великого княжения Владимирского, а не на территорию собственно московской отчины Дмитрия Ивановича. Так, зимой 1370/71 г. тверские рати воевали Волок Ламский, где наряду с новгородскими имелись и великокняжеские владения¹⁵⁰. Это было нападение после первого московско-литовского перемирия. В 1371 г., после второго перемирия, Михаил Александрович разорял Бежецкий Верх, где были владения и московских князей. После 29 июня 1371 г. тверской князь снова напал на Бежецкий Верх, а также взял и пожег Углич¹⁵¹. В апреле 1372 г. последовало нападение тверичей на Дмитров¹⁵², а позднее — на Торжок¹⁵³. Таким образом, составление рассматриваемого соглашения не укладывается в рамки 1371 г., оно относится к 1372 г.

Наконец, последний по своему месту, но далеко не последний по своей значимости аргумент заключается в определении, данном в грамоте союзнику Ольгерда, находившемуся «в ымени его» князю Дмитрию — «бряньский». Известно, что Брянским княжеством в 1379 г. владел сын Ольгерда Дмитрий¹⁵⁴. Речь идет о втором сыне литовского великого князя от первого брака с витебской княжной Марией Ярославной¹⁵⁵. В свое время Р. В. Зотов полагал, что Дмитрий Ольгердович был посажен отцом в Брянске в 1368 г.¹⁵⁶ Польский исследователь С. Кучинский считал, что это произошло несколько позже — в 1369-1370 гг.¹⁵⁷ Совсем недавно А. А. Горский предложил еще одну дату вокняжения

¹⁴⁴ Там же. Стб. 105.

¹⁴⁵ Там же. Стб. 100.

¹⁴⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. С. 47.

¹⁴⁷ ПСРЛ Т. XV. Вып. I. Стб. 90.

¹⁴⁸ Там же. Стб. 95.

¹⁴⁹ Там же. Стб. 96.

¹⁵⁰ Там же. Стб. 95.

¹⁵¹ Там же. Стб. 96.

¹⁵² Там же. Стб. 99.

¹⁵³ Там же. Стб. 101—102.

¹⁵⁴ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. С. 145.

¹⁵⁵ Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 286.

¹⁵⁶ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. С. 98—99.

¹⁵⁷ Kuczynski S. M. Ziemie czernihowsko — siewierskie pod rządami Litwy. S. 153.

Дмитрия Ольгердовича в Брянске — 1363 г.¹⁵⁸ Однако ни первая, ни вторая, ни третья даты не являются обоснованными, они выводятся на основании общих соображений. Между тем, русские летописи сохранили уникальное известие о князе Дмитрие Ольгердовиче, оставшееся незамеченным названными историками. При описании литовского похода в апреле 1372 г. на Переяславль Залесский Софийская I и Новгородская IV летописи указывают, что во главе литовских полков стояли родной брат великого князя Ольгерда князь троцкий Кейстут, старший сын Ольгерда князь Андрей Полоцкий и друцкий князь Дмитрий¹⁵⁹. Этому князю есть все основания отождествлять со вторым сыном Ольгерда Гедиминовича и Марии Ярославны. У Ольгерда был еще один сын Дмитрий от второго брака с сестрой Михаила Александровича Тверского Ульяной¹⁶⁰, но в 1372 г. тот был еще мал, а имя Дмитрий получил значительно позже, по всей вероятности, при крещении после смерти отца. Его литовское имя было Корибут, и этим именем он назван в договоре, заключенном им и старшими родными братьями Скиргайло и великим князем Ягайло с Дмитрием Ивановичем Московским. Договор был оформлен не ранее второй половины 1377 г., когда литовским великим князем стал Ягайло, и до 1385 г., когда, женившись на польской королеве Ядвиге, Ягайло стал королем Польши¹⁶¹. Как отметил Р. В. Зотов, в различных дипломатических документах, а также в актовом материале 1382—1393 годов Дмитрий-Корибут фигурирует под именами Корибут или Дмитрий-Корибут, но никогда как Дмитрий¹⁶². Печать этого князя, скреплявшая договор 1388 г., сопровождалась легендой «Печать князя Корибута»¹⁶³. Таким образом, летописное свидетельство 1372 г. о князе Дмитрие должно относиться к будущему брянскому князю, а не ко князю Дмитрию-Корибуту. Но если в апреле 1372 г. старший Дмитрий Ольгердович занимал друцкий стол, в договоре же своего отца с московскими князьями он фигурирует как князь брянский, это означает, что Дмитрий Ольгердович стал брянским князем весной-летом 1372 г., а рассматриваемая докончательная грамота была составлена после апреля 1372 г.

Имея в виду срок указанного в грамоте перемирия с 1 августа по 26 октября, можно достаточно уверенно утверждать, что изучаемая грамота была составлена или в самом конце июля, или 1 августа 1372 г. Известно, что во второй половине июля 1372 г. литовская и московская рати сошлись у стоявшего близ впадения р. Дугны в Оку городка Любутска. Правда, в научной литературе нередко приводится иная дата любутского противостояния — 12 июля¹⁶⁴. Но основывается она на свидетельствах весьма поздних летописных текстов¹⁶⁵. Ранние же летописные памятники 12 июля 1372 г. датируют выступление к Любутску из Твери князя Михаила Александровича, а из Литвы — Ольгерда Гедиминовича¹⁶⁶. Расстояние от Твери до Любутска составляет по прямой 270 км. Такое расстояние войска могли преодолеть в 9 — 10 дней. Следовательно, у Любутска если не литовцы, то тверичи могли появиться примерно 21 — 22 июля. Новгородско-софийский свод 30-х годов XV в. сообщает, что противостояние литовских и московских войск под Любутском первоначально привело к столкновению сторожевых полков, в результате которого литовцы и их союзники отступили за глубокий овраг¹⁶⁷. Более ранний ис-

¹⁵⁸ Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII—начало XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 98.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. V. С. 232. Т. IV. С. 67. Ср.: ПСРЛ. Т. XXXIX. С. 115; Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 297.

¹⁶⁰ Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. С. 287.

¹⁶¹ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 35. Л. 6.

¹⁶² Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. С. 141—143.

¹⁶³ Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. II. С. 239.

¹⁶⁴ Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956. С. 316; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, М., 1960. С. 575; Ключ Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). С. 207.

¹⁶⁵ См. примеч. 91.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 103; Т. XXXIX. С. 115; Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 300.

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. XXXIX. С. 115; Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 300.

точный факт столкновения не подтверждает, но говорит о разделении противников врагом¹⁶⁸. Во всяком случае, стояние под Любутском не привело к крупномасштабным военным действиям. Дело кончилось миром. Очевидно, что сохранившееся до наших дней московско-литовская договорная грамота и представляет собой соглашение, достигнутое враждовавшими сторонами под Любутском¹⁶⁹. В этом убеждает статья 12 докончания, которая подчеркивает, что, если условия соглашения окажутся неприемлемыми для литовской стороны, великий князь Ольгерд Гедиминович может вернуть грамоту московской стороне, «а хотъ и отошлетъ, а на семь перемирья и докончаны межы нас воины с Олгѣрдомъ нѣтъ до Дмитриева дни». Такое подчеркивание необходимости перемирия может свидетельствовать только о том, что до него и Литва, и Москва готовы были к активным боевым действиям, однако в ближайшее время решили их избежать, отложив возможное военное решение спорных вопросов на более поздний срок. Связь рассматриваемого договора с Любутским противостоянием заставляет оценивать отраженные в нем условия принципиально иначе, чем при датировке соглашения 1371 годом. Фон событий оказывается иным, статьи докончания должны сопоставляться с реалиями 1372, а не 1371 г., самым главным из которых являлось равенство сил, продемонстрированное Литовским и Московским великими княжествами и их союзниками в стоянии летом 1372 г. под маленьким окским городком.

(Продолжение в следующем номере журнала)

---

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 103.

¹⁶⁹ Как уже говорилось, докончальная грамота литовского великого князя Ольгерда и московского великого князя Дмитрия Ивановича «под Любуцком» была известна составителям Описи архива Посольского приказа 1627 г. по копии, очевидно, XV в. Что грамота была составлена именно «под Любуцком», архивисты XVII в. могли узнать из пояснений копиистов XV в. Те, в свою очередь, могли воспользоваться пометами на грамоте или знать традицию. Сохранившийся экземпляр московско-литовской перемирной грамоты 1372 г. никаких прямых данных о составлении под Любутском не содержит, однако помета об этом может читаться на обороте грамоты, который в настоящее время заклеен.